

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ *NEW YORK TIMES*

РИК РИОРДАН

ИСПЫТАНИЯ

ДЮЛЛОНА

ГОРЯЩИЙ
ЛАБИРИНТ

18+

Вселенная Перси Джексона

Рик Риордан

Горящий Лабиринт

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-053.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

Риордан Р.

Горящий Лабиринт / Р. Риордан — «Эксмо», 2019 — (Вселенная Перси Джексона)

ISBN 978-5-04-096758-2

Смертельно опасное путешествие Лестера Пападопулоса и Мэг Маккаффри продолжается! Следуя пророчеству, бывший бог Аполлон и его юная повелительница Мэг отправляются к Горящему Лабиринту, в котором их ждут новые ловушки. Разгадать все загадки и пройти сквозь огонь (в прямом смысле слова!) – вот их цель. И они должны сделать это не только для того, чтобы Аполлон смог вернуться на Олимп, но и чтобы спасти жизни других. Однако враги сделают все, чтобы помешать им. Что ждет друзей в новом квесте? Какие испытания готовит им судьба? И главное – смогут ли они их выдержать? Рик Риордан – автор мировых бестселлеров для подростков, лучший современный писатель в детской литературе, по мнению авторитетного издания «New York Times».

УДК 821.111-053.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-096758-2

© Риордан Р., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

1	7
2	13
3	17
4	22
5	27
6	32
7	35
8	40
9	47
10	52
11	57
12	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Рик Риордан
Испытания Аполлона
Книга 3. Горящий Лабиринт

Rick Riordan
THE TRIALS OF APOLLO: THE BURNING MAZE
Copyright © 2018 by Rick Riordan
All rights reserved

Серия «Испытания Аполлона»

© Оверина Ксения, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Мельпомене, музе трагедии.
Надеюсь, ты собой довольна*

Темное пророчество

*Сгорят слова, что память подарила,
Едва луна над Дьяволом уснет.
Пусть оборотень собирает силы,
Иначе Тибр кровью изойдет.*

*На юг пусть солнце устремит свой ход
Сквозь путаницу к смерти и огню,
Владельца белого коня найдет —
Загадка волю обретет свою.*

*Смелее, Лестер, в западный дворец;
Деметры чадо корни обретет.
Укажет козлоногий удалец
Тот путь, где вражья обувь лишь пройдет.*

*Известны три – и Тибр перед тобой:
Тогда лишь, Аполлон, танцуй и пой.*

1

*Теперь Аполлон
крыса в Лаб...иринте
Нужна помощь. И крупончики¹*

Нет.

Я не желаю рассказывать эту часть истории. Это была самая отвратительная, унижительная, ужасная неделя за всю мою жизнь длиной в четыре тысячи лет с хвостиком. Трагедия. Катастрофа. Горе. От меня вы об этом не услышите.

Почему вы еще здесь? Уходите!

Увы, похоже, у меня нет выбора. Зевс, без сомнения, хочет, чтобы я поведал вам обо всем – это часть моего наказания.

Ему было мало того, что он превратил меня – божественного Аполлона! – в смертного подростка с прыщами и жирком и обозвал Лестером Пападопулосом. Ему было мало того, что мне пришлось отправиться в опасное путешествие, чтобы освободить пять великих древних оракулов от трех злобных римских императоров. Ему было мало даже того, что он отдал меня – когда-то любимого своего сына – в услужение нахальной двенадцатилетней полубогине по имени Мэг!

Вдобавок ко всему Зевс хочет, чтобы история моего позора сохранилась для потомков.

Отлично. Но я вас предупредил. На страницах этой книги читатель найдет лишь страдания.

С чего бы начать?

С Гроувера и Мэг, конечно.

Мы уже два дня шли по Лабиринту – перебирались через расселины, в которых зияла тьма, обходили ядовитые озера, проходили сквозь обветшалые торговые центры, где работали только лавочки с уцененными товарами для Хэллоуина да забегаловки с сомнительной китайской едой.

Лабиринт умеет сбивать с толку. Он как сеть капилляров под кожей людского мира соединяет подвалы, канализацию, забытые туннели по всему свету, нарушая законы времени и пространства. Можно запросто попасть в Лабиринт через канализационный люк в Риме, пройти десять футов, открыть дверь – и оказаться в учебном лагере для клоунов в Баффало, штат Миннесота. (Не спрашивайте. У меня травма.)

Я бы предпочел вовсе не соваться в Лабиринт. К несчастью, в пророчестве, которое мы получили в Индиане, было ясно сказано: «*Сквозь путаницу – к смерти и огню*». Веселуха! «*Укажет козлоногий удалец / Тот путь...*»

Да вот только наш козлоногий удалец, сатир Гроувер Ундервуд, похоже, не знал, куда идти.

– Ты заблудился, – сказал я в сороковой раз.

– Все нет! – возразил он, не сбавляя хода.

На нем были мешковатые джинсы, зеленая, крашенная в технике «тай дай»² футболка, а козлиные копыта были упрятаны в специальным образом переделанные кроссовки «Нью Баланс 250». На кудрявую голову он натянул красную вязаную шапку. Понятия не имею, с чего

¹ Крупончик – нечто среднее между круассаном и пончиком. (Здесь и далее прим. переводчика.)

² Тай дай – способ окрашивания ткани, при котором ткань сначала особым образом скручивают, а затем красят.

он взял, что в таком виде больше похож на человека. Шапка почти не скрывала его рожек. Кроссовки по несколько раз на дню спадали у него с копыт, и я уже устал бегать за его ботинками, как собачка.

Он остановился на Т-образной развилке. Вправо и влево тянулись грубо высеченные в камне коридоры. Гроувер потрепал свою жиденькую бородку.

– Ну? – спросила Мэг.

Сатир вздрогнул. Как и я, он быстро усвоил, что Мэг лучше не злить.

Не то чтобы Мэг Маккаффри своим видом внушала ужас – нет. Она была низковата для своих лет и одета как светофор: зеленое платье, желтые легинсы и красные кеды – всё рваное и грязное, ведь нам не раз приходилось ползти по узким туннелям. В волосах, подстриженных «под пажа», запуталась паутина. Стекла ее очков-«кошечек» были страшно заляпаны: я не понимал, как она умудрялась в них хоть что-то разглядеть. В общем, ее можно было запросто принять за дошкольницу, которая выстояла в нелегкой борьбе за качели из автомобильной шины на детской площадке.

Гроувер указал на правый туннель:

– Я... я уверен, что Палм-Спрингс там.

– Уверен? – переспросила Мэг. – Так же как в прошлый раз, когда мы ворвались в ванную и застали там циклопа на унитазах?

– Я не виноват! – запротестовал Гроувер. – К тому же оттуда правильно пахнет. Вроде... кактусами.

Мэг втянула ноздрями воздух:

– Не чую я никаких кактусов.

– Мэг, – сказал я, – сатир наш проводник. Хотим мы того или нет, нам придется на него положиться.

Гроувер фыркнул:

– Спасибо за доверие. Кстати, сегодня еще не напоминал: я не просил, чтобы меня магическим способом призывали и переносили через полстраны – тоже мне счастье, проснуться на крыше вокзала в Индианаполисе на грядке с помидорами!

Держался он храбро, но глаз не сводил с одинаковых колец, украшающих средние пальцы Мэг, – вероятно, опасаясь, что она может превратить их в золотые изогнутые сабли и располозовать его как козленка на кабрито³.

Узнав, что Мэг дочь Деметры – богини всего, что растет, Гроувер стал относиться к этой девчонке с большим опасением, чем ко мне, бывшему богу-олимпийцу. Жизнь несправедлива.

Мэг вытерла нос:

– Ладно. Просто я не думала, что мы будем бродить здесь целых два дня. Новолуние уже через...

– ...через три дня, – перебил я ее. – Мы в курсе.

Может, вышло грубовато, но напоминать мне об остальных частях пророчества не стоило. Пока мы двигались на юг к следующему оракулу, наш друг Лео Вальдес на всех парах мчался на бронзовом драконе в Лагерь Юпитера – учебный лагерь римских полубогов в Северной Калифорнии, – чтобы предупредить его обитателей об огне, смерти и ужасах, с которыми им, вероятно, предстоит столкнуться в новолуние.

Я постарался смягчить тон:

– Будем верить, что Лео и римляне справятся с тем, что грядет на север. У нас же своя цель.

– И огонь, с которым нужно разобраться, – вздохнул Гроувер.

– В каком смысле? – поинтересовалась Мэг.

³ Кабрито – традиционное мексиканское блюдо из козлятины.

Гроувер ответил уклончиво – за два дня мы могли бы уже к этому привыкнуть:

– Лучше об этом не говорить... здесь.

Он нервно оглянулся по сторонам, словно у стен были уши, что вполне могло оказаться правдой. Лабиринт – живое строение. И, судя по запаху из некоторых коридоров, по крайней мере кишки у него точно имелись.

Гроувер почесал ребра.

– Я постараюсь вывести вас отсюда поскорее, ребята, – пообещал он. – Но у Лабиринта есть разум. В последний раз, когда я был здесь с Перси...

Лицо его погрузтело – так обычно случалось, когда он вспоминал о прошлых приключениях со своим лучшим другом Перси Джексон. И я его понимал. Здорово иметь под рукой такого полубога, как Перси. К несчастью, колдовством призвать его на грядку с помидорами было не так просто, как нашего сатира.

Я положил руку Гроуверу на плечо:

– Мы знаем, что ты очень стараешься. Пойдем дальше. И если, принохиваясь к кактусам, ты почувешь завтрак – скажем, кофе и крупончики с лимонно-кленовой глазурью, – будет просто отлично.

Мы повернули направо и пошли по туннелю за нашим проводником.

Вскоре коридор стал сужаться, и нам пришлось согнуться и пробираться по нему гуськом. Я занял место посередине – самое безопасное. Кто-то может упрекнуть меня в малодушии, но Гроувер был повелителем природы и членом Совета козлоногих старейшин. И вроде как он обладал великой силой, хотя при мне ни разу ею не пользовался. Что касается Мэг, то она не только мастерски владела двумя мечами, но и могла сотворить настоящее чудо из семян, которыми запаслась в Индианаполисе.

Я же день ото дня становился все слабее и беззащитней. После битвы с императором Коммодом, в которой я ослепил его божественным сиянием, я не мог призвать и крупницы своей прежней божественной силы. Пальцы утратили былую ловкость и с трудом находили нужные лады на грифе боевого укулеле. Я стал гораздо хуже стрелять из лука. Умудрился даже промазать, выстрелив в циклопа на унитаза. (Уж не знаю, кто из нас больше смутился.) Я все чаще просыпался в холодном поту от ужасов, приходящих ко мне во сне. Однако видения, вгоняющие меня в оцепенение, посещали меня все чаще и становились все ярче.

Я не говорил друзьям о своих тревогах. Пока.

Хотелось верить, что мне просто нужна перезарядка – и сила вернется. В конце концов, испытания в Индианаполисе едва не стоили мне жизни.

Но может быть, дело было в другом. Я был низвержен с Олимпа и приземлился в мусорный бак на Манхэттене в январе. Сейчас был март. Значит, я провел в человеческом обличье около двух месяцев. Возможно, чем дольше я остаюсь смертным, тем слабее становлюсь и тем сложнее мне будет снова стать богом.

Было ли так в прошлые два раза, когда Зевс изгонял меня на Землю? Не помню. Порой я не мог вспомнить даже вкуса амброзии, имен коней, запряженных в солнечную колесницу, и лица Артемиды – моей сестры-близнеца. (Раньше я сказал бы, что забыть ее лицо – настоящее счастье, а теперь мне ужасно ее не хватало. Но даже не думайте рассказывать ей об этом!)

Пока мы ползли по коридору, у меня в колчане жужжала, как телефон, поставленный на беззвучный режим, волшебная Стрела Додоны, которая рвалась наружу, чтобы дать мне очередной совет.

Я старался не обращать на нее внимания.

Последние ее советы оказались ужасной чушью. Хуже того: это была чушь на шекспировском языке, с таким количеством всевозможных «мя», «сие», «ибо» и «воистину», что мне становилось плохо. Никогда не любил 90-е годы. (В смысле 1590-е.) Я решил, что, может быть, посоветуюсь со стрелой, когда мы доберемся до Палм-Спрингс. *Если* доберемся...

Гроувер остановился на очередной развилке и принялся: сначала к правому туннелю, затем к левому. Нос у него дрожал, как у кролика, почуявшего собак. Вдруг он завопил «Назад!» – и попятился. Коридор был таким узким, что сатир упал прямо ко мне на колени, из-за чего я грохнулся на колени к Мэг, которая, испуганно хрюкнув, упала на землю. Не успел я возмутиться, что групповой массаж – это не мое, как у меня заложило уши. Воздух стал невероятно сухим. На меня нахлынул резкий запах – примерно так пахнет свежий гудрон на аризонских автострадах, – и коридор перед нами с ревом пересекла стена желтого пламени, всплеск неистового жара, который исчез так же внезапно, как и появился.

В ушах затрещало... наверное, просто кровь хлынула в голову и закипела. Во рту было так сухо, что невозможно было даже слотнуть. Я не понимал – дрожь бьет одного меня или моих друзей тоже.

– К... что это было?

Интересно, почему я бессознательно чуть не сказал «кто»? Эта вспышка почему-то показала мне жутко знакомой. В запахе тягучего едкого дыма слышались миазмы ненависти, отчаяния и голода.

Вязаная шапка Гроувера дымилась. От него несло паленой козлиной шерстью.

– Это значит, – промямлил он, – что мы уже близко. Нужно спешить.

– А я что говорила? – буркнула Мэг. – Давайте слезайте! – И она дала мне коленом под зад.

Я с трудом встал – по крайней мере настолько, насколько это было возможно в низком туннеле. После огненной атаки кожа стала липкой. Впереди было темно и тихо, будто в коридоре никогда и не полыхало адское пламя, но я сотни лет управлял солнечной колесницей и прекрасно понимал, насколько жарок был тот огонь. Окажись мы у него на пути – и от нас не осталось бы ничего, кроме плазмы.

– Пойдем налево, – решил Гроувер.

– Хм, – засомневался я, – но ведь именно с этой стороны и появилось пламя.

– Это самый короткий путь.

– Может, вернемся? – предложила Мэг.

– Слушайте, мы почти дошли, – настаивал Гроувер. – Я чувствую. Но сейчас мы в его части Лабиринта. Если не поторопимся...

Криши!

Звук отдавался эхом позади. Мне хотелось верить, что это случайный шум, какой нередко можно услышать в Лабиринте: скрипит, качаясь на ржавых петлях, железная дверь, или просто свалилась в бездонный колодец игрушка на батарейках из хэллоуинского магазинчика. Но на лице Гроувера я прочел то, что и сам уже понял: это был крик живого существа.

КРИИИ! Теперь крик стал злее и значительно ближе.

Мне очень не понравились слова Гроувера «сейчас мы в его части Лабиринта». В «его» – это в чьей? Мне совершенно не хотелось поджариться, но крики за спиной вселяли настоящий ужас.

– Бежим, – сказала Мэг.

– Бежим, – согласился Гроувер.

И мы опрометью бросились по левому туннелю. Радовало только одно: он был немного шире и бежать от опасности по нему было куда удобней. На следующем перекрестке мы вновь свернули налево, а затем сразу направо. Перепрыгнув расселину, взбежали по лестнице и снова помчались по коридору – но преследователь не отставал.

КРИИИ! – доносилось из темноты.

Я знал этот звук, но ущербная человеческая память никак не могла его опознать. Это точно не кто-то симпатичный вроде маленького попугайчика или какаду. За нами гналось нечто демоническое – опасное, кровожадное и жутко злое.

Мы оказались в круглом зале, походившем на дно гигантского колодца. Вверх по изгибающейся кирпичной стене вилась спиралью узкий выступ. Я не знал, что ждет нас наверху. Но другого пути не было.

КРИИИ!

Крик ударил по косточкам моего среднего уха. В коридоре позади нас эхом разносилось хлопанье крыльев – или просто птиц было так много? Эти создания сбиваются в стаи? Я встречал их прежде. Проклятье, я должен вспомнить!

– Теперь куда? – спросила Мэг. – Наверх?

Гроувер, разинув рот, уставился во тьму над нашими головами:

– Ничего не понимаю. Этого здесь быть не должно.

– Гроувер! – поторопила его Мэг. – Наверх или нет?

– Да, наверх! – крикнул он. – Наверх – это отлично!

– Нет, – сказал я, чувствуя, как от ужаса у меня по шее пробежал холодок. – Не успеем.

Нужно перегородить коридор.

– Но... – нахмурилась Мэг.

– Волшебные ростки! – заорал я. – Скорее!

Вот что я скажу вам про Мэг: если нужно вырастить что-нибудь с помощью магии – это к ней. Порывшись в сумочках, прикрепленных к ремню, она достала пакетик семян, открыла его и бросила семена в туннель.

Гроувер схватил свирель и, чтобы помочь росткам, стал наигрывать веселую джигу, пока Мэг, плюхнувшись на колени и сосредоточенно хмурясь, колдовала над семенами.

Повелитель природы и дочь Деметры вместе составили дуэт суперсадовников. Из семян мигом появились стебли томатов. Они росли и, переплетаясь, замуровывали вход в туннель. Листья распускались с невероятной скоростью. И вот уже на стеблях набухли плоды размером с кулак. Туннель был почти запечатан, как вдруг сквозь щель между стеблями пролетело что-то темное, покрытое перьями.

На лету птица когтями задела меня по лицу, едва не лишив глаза. Крылатая тварь с победным криком сделала круг по залу и уселась на спиральный выступ в десяти футах над нами, устремив на нас круглые золотые глаза-прожекторы.

Сова? Нет, существо было вдвое больше любой из птиц Афины. Его перья блестели как черный обсидиан. Подняв кожистую красную лапу, оно раскрыло золотой клюв и черным толстым языком слизнуло с когтей кровь – *мою* кровь.

В глазах у меня помутилось. Колени стали резиновыми. Я смутно слышал шум, доносящийся из туннеля: злобные крики и хлопанье крыльев других демонических птиц, пытающихся прорваться к нам через помидорную стену.

Ко мне подошла Мэг со скимитарами в руках, она не сводила глаз с огромной темной птицы наверху.

– Аполлон, что с тобой?

– Стрикс, – произнес я название, которое наконец всплыло из глубин слабой человеческой памяти. – Это стрикс.

– Как его убить? – спросила Мэг, прагматичная, как всегда.

Я коснулся раны на щеке. Ни щеки, ни пальцев я уже не чувствовал.

– Это будет сложновато.

Гроувер взвизгнул, услышав, как стриксы с криками ударились о сетку из стеблей.

– Ребята, еще шесть или семь стриксов пытаются пробраться внутрь! Помидоры их не сдержат!

– Аполлон, отвечай быстро, – приказала Мэг, – что нам делать?

Я хотел подчиниться. Честно. Но не мог выдавить из себя ни слова. Мне казалось, будто Гефест, наш знатный стоматолог, только что выдернул мне зуб и я все еще не отошел от воздействия его веселящего нектара.

– Ес... если убьешь птицу – будешь проклята, – наконец проговорил я.

– А если ее не убивать? – спросила Мэг.

– Ну, тогда она в-выпотрошит тебя, выпьет твою кровь и сожрет плоть, – улыбнулся я, хотя подозревал, что в моих словах нет ничего смешного. – И не дай стриксу тебя поцарапать. Иначе парализует!

И в подтверждение своих слов я свалился набок.

Стрикс, сидевший над нами, расправил крылья и спикировал вниз.

2

*Примотали как рюкзак
Скотчем к сатиру
Хуже. Утра. Не помню*

– Стой! – завопил Гроувер. – Мы пришли с миром!

Птица на его увещевания не обратила внимания. Она бросилась в атаку и вцепилась бы Гроуверу прямо в лицо, если бы не Мэг со своими саблями. Стрикс увернулся, заметался вокруг клинков и, невредимый, уселся на выступ чуть выше, чем раньше.

– КРИИ! – гаркнул он, распушив перья.

– Что значит ты «должен нас убить»? – спросил Гроувер.

– Ты что, можешь с ним говорить?! – сердито посмотрела на сатира Мэг.

– Ну да, – кивнул Гроувер. – Это ведь живое существо.

– А почему же ты раньше не сказал нам, о чем он кричит?! – не унималась Мэг.

– Потому что раньше он просто вопил «крии!», – пояснил Гроувер. – А теперь его «крии» значит, что он должен нас убить.

Я попытался пошевелить ногами. Они словно превратились в мешки с цементом, что меня почему-то умиляло. Руки слушались, грудь не совсем онемела, но сколько продлится оцепенение, сказать было трудно.

– Может, спросишь у стрикса, зачем ему нас убивать? – предложил я.

– Крии! – гаркнул Гроувер.

Язык стриксов начал меня утомлять. В ответ птица разразилась тирадой из клекота и щелканья.

В это время оставшиеся снаружи стриксы с воплями бились о помидорную стену. Их черные когти и золотые клювы то и дело пробивались сквозь стебли, словно птицы желали крошить помидоры для соуса пико-де-гальо⁴. Я понял, что самое большее минут через пять они прорвутся сквозь преграду и перебьют нас, – но их острые, как бритва, клювы были такими симпатичными!

– Стрикс говорит, что ему было велено выпить нашу кровь, сожрать нашу плоть и выпотрошить нас, и не обязательно в таком порядке, – заламывая руки, объяснил Гроувер. – Ему жаль, но это приказ самого императора.

– Дурацкие императоры, – проворчала Мэг. – Какого из них?

– Не знаю, – сказал Гроувер. – Стрикс называет его просто Крии.

– Ты понимаешь, когда он говорит «выпотрошить», – заметила она, – но не понимаешь имени императора?

Лично я был даже рад этому. Покинув Индианаполис, я много размышлял над Темным пророчеством, которое мы получили в пещере Трофония. Мы уже столкнулись с Нероном и Коммодом, и я начал с ужасом подозревать, кем может быть третий император, с которым нам предстояло встретиться. И сейчас убедиться в своей правоте мне совсем не хотелось. Вызванная ядом стрикса эйфория начала отступать. Скоро меня сожрут живьем кровожадные мегасовы. И новых поводов, чтобы зарыдать от отчаяния, мне не требовалось.

Стрикс бросился на Мэг. Она отпрыгнула в сторону, так хлопнув пролетевшую мимо птицу по хвосту плоской частью клинка, что несчастная врезалась прямо в кирпичную стену и взорвалась облаком праха и перьев.

– Мэг! – воскликнул я. – Я же велел их не убивать! Теперь на тебе проклятье!

⁴ Пико-де-гальо – мексиканский острый соус из свежих овощей.

– Я ее и не убивала. Она покончила с собой, влетев в стену.

– Не уверен, что Мойры решат так же.

– Значит, мы ничего им не скажем.

– Ребят, – Гроувер указал на стебли, которые под напором когтей и клювов стремительно истончались, – если убивать стриксов нельзя, может, укрепим стену?

Он снова заиграл на свирели. Мэг превратила сабли в кольца и протянула руки к стене из помидоров. Стебли стали толще, корни остервенело цеплялись за каменный пол – но всё тщетно. Стриксов было слишком много, и они молниеносно разрывали новые стебли, едва те успевали появиться.

– Плохо дело. – Споткнувшись, Мэг отступила назад, на лице у нее блестели капельки пота. – Без земли и солнечного света большего нам не добиться.

– Ты права. – Гроувер поднял голову и, пробежав глазами по спиральному выступу, устремил взгляд во мрак. – Мы почти добрались. Если бы только успеть подняться, прежде чем стриксы прорвутся...

– Значит, полезем, – решила Мэг.

– Простите, – жалобно проговорил я, – тут вообще-то парализованный бог.

Гроувер, поморщившись, посмотрел на Мэг:

– Скотч?

– Скотч, – кивнула она.

Да хранят меня боги от героев со скотчем! Но скотч почему-то всегда оказывается у героев под рукой! Мэг достала из висящей на поясе сумочки моток клейкой ленты, усадила нас с Гроувером спиной к спине и, проведя ленту у нас под мышками, надежно прикрепила меня к сатире словно туристический рюкзак.

Она помогла ему подняться на ноги, и меня замотало так, что в поле зрения мне попадали то стены, то пол, то лицо Мэг, то мои болтающиеся парализованные ноги.

– Э-э... Гроувер, – позвал я, – а у тебя хватит сил дотащить меня до верха?

– Сатиры прирожденные альпинисты, – просипел он.

Он забрался на узкий выступ, мои онемевшие ноги волочились по земле. Мэг следовала за нами, то и дело оглядываясь на стремительно истончающийся помидорный барьер.

– Аполлон, – попросила она, – расскажи мне о стриксах.

Я покопался в памяти, пытаюсь обнаружить в этой каше хоть какие-то крупинки полезной информации.

– Это... птицы – предвестницы зла, – сказал я. – Если они появятся – жди беды.

– Да ладно! – съязвила Мэг. – Что еще?

– Ну, обычно их добычей становятся юные или слабые: младенцы, старики, парализованные боги... в общем, ты поняла. Стриксы плодятся в верхних пределах Тартара. Осмелюсь предположить, что домашние питомцы из них никудышные.

– Как нам от них отделаться? – спросила она. – Если их нельзя убивать, то как же от них избавиться?

– Я... я не знаю.

Мэг разочарованно вздохнула:

– Спроси у Стрелы Додоны. Может, она что-то знает. А я постараюсь выиграть немного времени.

И она побежала вниз.

Перспектива общения со Стрелой расстроила меня еще больше, но Мэг приказала мне, а послушаться ее приказов я не мог. Потянувшись за спину, я нащупал колчан и вытянул из него свое волшебное оружие.

– Приветствую тебя, мудрая и всемогущая Стрела! – сказал я. (Немного лести в начале разговора еще никому не мешало.)

– ДОЛОГ БЫЛ СРОК, – нараспев ответила Стрела. – ДНИ И НОЧИ БЕЗ СЧЕТА Я ПЫТАЛАСЬ ДОЗВАТЬСЯ ТЕБЯ.

– Но прошло всего сорок восемь часов, – удивился я.

– ВОИСТИНУ, ВРЕМЯ ТЯНЕТСЯ ВЕЧНОСТЬ, ЕЖЕЛИ ТЕБЯ ЗАТОЧИЛИ В КОЛЧАН. ИСПРОБУЙ САМ – ИЗВЕДАЕШЬ, КАКОВО СИЕ.

– Ладно, – я едва удержался, чтобы не переломить древко Стрелы. – Что ты знаешь о стриксах?

– О ЧЕМ, О ЧЕМ, ГОВОРИШЬ, ДОЛЖНА Я ПОВЕДАТЬ ТЕБЕ? О СТРИКСАХ? ПОЧТО НАДОБНО МНЕ ГОВОРИТЬ О НИХ?

– Потому что мы скоро будем убиенны... убиты ими.

– ФИ! – затрещала Стрела. – НЕГОЖЕ ТЕБЕ ЛЕЗТИ В СИЕ ОПАСНОЕ ДЕЛО!

– По своей воле – ни за что, – ответил я. – Ну так что, можешь ли ты рассказать мне что-нибудь полезное о стриксах, о мудрое оружие?

Стрела зажужжала, явно пытаясь открыть Википедию. Она утверждает, что не пользуется Интернетом. Может, конечно, это и совпадение, но почему-то дельные советы она дает гораздо чаще, если рядом есть свободный Wi-Fi.

Пыхтя и хватая ртом воздух, Гроувер мужественно тащил мое жалкое смертное тело наверх, опасно балансируя на краю выступа. Мы поднялись уже на пятьдесят футов от пола: упадем – расшибемся в аккуратненькую лепешку. Внизу Мэг нервно шагала по залу, бормоча что-то себе под нос и вытряхивая семена из очередного пакетика.

Выступ уходил в темную бесконечность. Что бы ни ждало нас в конце пути (если у этого пути вообще есть конец), оно было скрыто во мраке. То, что Лабиринт не предоставил нам ни лифта, ни хотя бы приличных перил, было, на мой взгляд, откровенной нечуткостью. Как герои с ограниченными возможностями должны наслаждаться пребыванием в этой смертельной ловушке?!

Стрела Додоны наконец вынесла вердикт:

– СТРИКСЫ СУТЬ ОПАСНЫЕ ТВАРИ.

– И в который раз, – сказал я, – твоя мудрость разогнала мрак невежества.

– УМОЛКНИ, – продолжала Стрела. – ПТИЦ МОЖНО УМЕРТВИТЬ, ДА ТОЛЬКО НА УБИЙЦУ ИХ ПАДЕТ ПРОКЛЯТЬЕ, И ЯВЯТСЯ К НЕМУ НОВЫЕ СТРИКСЫ БЕЗ ЧИСЛА.

– Да-да. Что еще?

– Что она говорит? – спросил запыхавшийся Гроувер.

Мало того что поведение Стрелы меня страшно раздражало, так еще и слышать ее мог только я. Вот и получалось, что, разговаривая с ней, я не только выглядел как псих, но и был вынужден пересказывать своим друзьям все ее бредни.

– Она все еще гуглит, – ответил я Гроуверу. – О Стрела, может, попробуешь искать с логическими операторами: «стрикс+одолеть»?

– НЕ НАДОБНЫ МНЕ НИКАКИЕ УЛОВКИ! – загрохотала Стрела.

Прошло несколько мгновений, которых было как раз достаточно, чтобы напечатать «стрикс+одолеть».

– ПТИЦ МОЖНО ОТОГНАТЬ СВИНЫМИ ПОТРОХАМИ, – сообщила она. – ИМЕЕШЬ ЛИ ИХ?

– Гроувер, – заглянул я за плечо, – у тебя, случайно, нет свиных потрохов?

– Чего?! – Он повернулся, но я же был привязан к его спине, поэтому увидеть меня ему так и не удалось. – С чего бы им у меня быть? Я же вегетарианец!

Мэг вскарабкалась по выступу и догнала нас.

– Птицы почти прорвались, – сказала она. – Я пробовала другие растения. Пыталась призвать Персика... – от отчаяния ее голос срывался.

С того момента, как мы вошли в Лабиринт, она не могла призвать своего помощника – персикового духа, который был незаменим в битвах, но появлялся только там, где хотел, и только тогда, когда сам того желал. Может быть, Персик, как и помидоры, не слишком хорошо чувствовал себя под землей.

– Стрела Додоны, скажи еще что-нибудь! – заорал я прямо в наконечник. – Должно же быть еще что-то, кроме поросячьих кишок, что может отпугнуть стриксов!

– ПОГОДИ, – сказала Стрела. – ВНИМАЙ! АРБУТУС СГОДИТСЯ НА ТО.

– Арбуз что?! – заорал я.

Слишком поздно.

Прямо под нами стая стриксов, свирепо крича, пробила помидорную баррикаду и ворвалась в зал.

3

*Стриксы – поганцы
Воистину, и
Погано теперь им*

– Вон они! – закричала Мэг.

Серьезно, каждый раз, когда нужно было поговорить о чем-то важном, она молчала, как на допросе. Но стоило нам попасть в передрагу – она почему зря вопила «Вон они!».

Гроувер, проявив недюжинную силу, бросился вперед, таща за собой примотанное к нему мое безвольное тело.

Болтаясь за его спиной, я отлично видел стриксов, появившихся из мрака, их желтые глаза сверкали как монетки в мутном фонтане. Сколько их было – дюжина? Больше? Мы и с одним стриксом едва управились, и мне даже думать не хотелось о наших шансах выстоять против целой стаи, особенно теперь, когда мы, ковыляющие по узкому и скользкому выступу, превратились в весьма привлекательную добычу. Мне не верилось, что Мэг уговорит всех этих птиц покончить с собой, вмазавшись в стену.

– Арбутус! – завопил я. – Стрела сказала, что арбутус отгоняет стриксов.

– Это такое растение, – задыхаясь, проговорил Гроувер. – Кажется, оно мне как-то встречалось.

– Стрела! – позвал я. – Что такое арбутус?

– НЕ ВЕДАЮ! РОЖДЕНА БЫЛА В РОЩЕ – НО РАЗВЕ СИЕ ЗНАЧИТ, ЧТО Я САДОВНИЦА?!

Я с отвращением впихнул Стрелу обратно в колчан.

– Аполлон, прикрой меня, – Мэг сунула мне в руку одну из сабель и принялась копаться в своих сумочках, нервно поглядывая на приближающихся стриксов.

Какого именно прикрытия она от меня ждала, я не знал. Фехтовал я ужасно – даже когда не был примотан скотчем к сатиру и должен был сражаться с врагами, смерть которых не грозила проклятьем.

– Гроувер! – крикнула Мэг. – Что за растение – арбутус?

Она открыла первый попавшийся пакетик и высыпала семена в пустоту. Они взорвались, как нагретые зернышки кукурузы, выбросили листья и стебли, на которых появились клубни ямса размером с гранату. Растительные снаряды сбили нескольких птиц, стая испуганно заклекотала, но стриксы все напирали.

– Это клубни, – прохрипел Гроувер. – По-моему, арбутус – плодовое растение.

Мэг открыла второй пакетик и атаковала стриксов залпом из кустов, усыпанных горошинами зеленых ягод. Птицы легко обогнули ее снаряды.

– Виноград? – спросил Гроувер.

– Крыжовник, – ответила Мэг.

– Точно? – удивился Гроувер. – Форма листьев...

– Гроувер! – рявкнул я. – Хватит военной ботаники. Куда... ВНИЗ!

Благосклонный читатель, прошу тебя, рассуди, что на самом деле произошло в этот момент. Спрашивал ли я «Куда, вниз?!»? Разумеется, нет. Что бы там потом ни говорила Мэг, я просто хотел предупредить ее о стриксе, летевшем прямо ей в лицо.

И в том, что она не поняла моего предупреждения, я не виноват.

Я взмахнул саблей, пытаясь защитить свою юную подругу. Спасибо богам за мои кривые руки и отличные рефлексы Мэг – иначе не сносить бы ей головы.

– Прекрати! – крикнула она, отправляя стрикса в нокаут ударом второй сабли.

– Ты сама просила тебя прикрыть! – оправдывался я.

– Я не имела в виду... – Она вскрикнула от боли и споткнулась: на правом бедре у нее сочилась кровью свежая рана.

И тут нас поглотил яростный вихрь из когтей, клювов и черных крыльев. Мэг остервенело размахивала саблей. Стрикс нацелился мне в лицо, и его когти выцарапали бы мне глаза, если бы Гроувер не совершил нечто из ряда вон выходящее – он закричал.

Вы можете спросить: «А что же здесь странного? Если тебя окружили птицы, жаждущие выпиться в твои внутренности, – самое время кричать».

Так и есть. Только звук, исходивший из уст сатира, не был обыкновенным воплем.

Он разнесся по залу как взрывная волна, разметав птиц, каменные стены затряслись, а меня охватил холодный безотчетный страх.

Не будь я примотан к сатиру скотчем, я бы бросился бежать. Я бы спрыгнул вниз с выступа, на котором мы стояли, – лишь бы спастись от этого звука. Но я был привязан, поэтому просто выронил саблю Мэг и зажал руками уши. Мэг, ничком упавшая на каменную дорожку, истекала кровью, ее тело под воздействием птичьего яда, похоже, начало неметь. Она сжалась в комочек и закрыла голову руками.

Стриксы умчались обратно в темноту.

Сердце бухало в груди. В крови кипел адреналин. Прежде чем я смог произнести хоть слово, мне пришлось сделать несколько глубоких вдохов.

– Гроувер, – проговорил я, – ты что, призвал панику?

Я не видел его лица, но чувствовал, как он дрожит. Он лежал на выступе, завалившись на бок, отчего я оказался повернут к стене.

– Я не собирался, – прохрипел Гроувер. – Годами ее не использовал.

– П-панику? – переспросила Мэг.

– Крик потерянного бога Пана, – объяснил я.

Одно упоминание этого имени опечалило меня. О, как чудно мы с богом природы проводили время в древности, танцуя и резвясь в заповедных местах! А порезвиться Пан умел. Потом люди уничтожили почти все заповедные места, и Пан исчез. Это все из-за вас, люди. Из-за вас боги лишаются самого хорошего.

– Я и не знал, что кто-то кроме Пана может пользоваться этой силой, – сказал я. – Как тебе это удалось?

Гроувер то ли всхлипнул, то ли вздохнул:

– Долго рассказывать.

Мэг закричала:

– Ну хоть от птиц избавились.

Я услышал, как рвется ткань: видимо, Мэг перевязывала ногу.

– Что-нибудь онемело? – спросил я.

– Ага, – пробормотала она. – Все, что ниже пояса.

Гроувер зашевелился в нашей липкой упряжи:

– Я в порядке, только сил почти не осталось. Птицы вернутся – а затащить вас наверх я не смогу.

И он не врал. Крик Пана отпугивал почти все живое, но это была сложная магия. Прибегнув к ней, Пан потом три дня отсыпался.

Под нами эхо разносило по Лабиринту крики стриксов. Казалось, страх в их воплях («Летим прочь!») постепенно переходил в смтение («А от чего мы улетаем?»).

Я попробовал пошевелить ногами. И, к своему удивлению, ощутил, как в носках шевелятся пальцы.

– Можете меня освободить? – попросил я. – Похоже, действие яда слабеет.

По-прежнему лежа, Мэг дотянулась до меня саблей и перерезала скотчевые путы. Мы оказались в прямом смысле припертыми к стенке: три потные, мрачные, жалкие наживки для стриксов в ожидании смерти. Клекот демонических птиц внизу стал громче. Скоро они вернуться, злые как никогда. В тусклом свечении клинков Мэг стало видно, что в пятидесяти футах над нами спиральный выступ опирается в глухой кирпичный потолок.

– Вот вам и выход, – сказал Гроувер. – Я был уверен... Этот колодец так похож... – он помотал головой, не в силах поведать нам, на что именно он надеялся.

– Я тут не умру, – проворчала Мэг.

Ее вид говорил об обратном. Сбитые в кровь костяшки, ободранные колени. Зеленое платье – подарок от матери Перси Джексона – было похоже на ткань с когтеточки для саблезубого тигра. Она оторвала левую штанину легинсов, чтобы перевязать рану на бедре, но кровь уже пропитала повязку.

Однако глаза ее дерзко сверкали. Стразы по-прежнему блестели в уголках ее очков-«кошечек». А я знал: пока эти стразы сверкают, сбрасывать Мэг Маккаффри со счетов рано.

Она принялась перебирать пакетики с семенами и, щурясь, читала названия:

– Розы. Нарциссы. Сквош⁵. Морковь.

– Не то... – Гроувер постучал кулаком по лбу. – Арбутус – это что-то вроде... цветущего дерева. Проклятье, я же знал!

Мне были знакомы такие проблемы с памятью. Я тоже должен был знать многое: слабые места стриксов, ближайший тайный выход из Лабиринта, личный номер Зевса, чтобы позвонить ему и молить о спасении. Но в голове у меня было пусто. У меня задрожали ноги – возможно, это значило, что скоро я снова смогу ходить, – но это меня не сильно порадовало. Бежать мне было некуда, разве что был выбор: погибнуть под потолком или на полу.

Мэг всё копалась в семенах:

– Брюква, глициния, пираканта, земляника...

– Земляника! – заорал Гроувер так громко, словно решил снова повергнуть нас в панику. – Вот оно! Арбутус – это земляничное дерево!

Мэг нахмурилась:

– Земляника не растет на деревьях. Род фрагария, то есть земляника, принадлежит к семейству розовых.

– Да-да, я знаю! – Гроувер махал руками, будто это помогало словам быстрее выскакивать изо рта. – Арбутус относится к семейству вересковых, но...

– О чем вы вообще говорите?! – возмутился я. Было такое ощущение, что они подключились к Wi-Fi, которым пользовалась Стрела Додоны, и скачивают информацию с какого-нибудь botany.com. – Нас вот-вот сожрут, а вы спорите о классификации растений!

– Земляника подойдет! – настаивал Гроувер. – Плоды арбутуса похожи на ягоды земляники. Поэтому его и называют земляничным деревом. Я как-то встретил арбутусовую дриаду, и мы долго об этом спорили. Кроме того, я спец по выращиванию земляники. Как и все сатиры из Лагеря полукровок!

Мэг с сомнением разглядывала пакетик земляничных семян:

– Ну, не знаю...

Внизу из туннеля вылетела дюжина стриксов, вопящих от ярости и желания выпотрошить своих жертв.

– ДАВАЙ СВОИХ ФРЭГГЛОВ!⁶

– Не фрэгглы, а фрагария, – поправила Мэг.

– БЕЗ РАЗНИЦЫ!

⁵ Сквош – вид тыквы, по форме напоминает кабачок.

⁶ «Скала Фрэгглов» («Fraggle Rock») – детский телесериал 1980-х годов, героями которого являются куклы «фрэгглы».

Мэг открыла пакетик и вместо того, чтобы бросить семена в пустоту, принялась медленно-медленно сыпать их по краю выступа.

– Быстрее! – я потянулся за луком. – У нас есть секунд тридцать.

– Подожди, – Мэг вытряхнула последние семена.

– Пятнадцать секунд!

– Жди.

Мэг отбросила упаковку и положила руки на семена так, словно собиралась играть на фортепиано (что, кстати, у нее получалось так себе, хоть я и пытался ее научить).

– Ладно, – сказала она. – Давай.

Гроувер взял свирель и начал играть безумную версию песни «Земляничные поля навсегда» в трехдольном размере⁷. Я позабыл про лук, достал укулеле и подхватил мелодию. Я не знал, поможет ли это, но решил: если уж меня разорвут, пусть лучше это случится под звуки «Битлз».

Стриксы были совсем близко, когда семена взорвались словно фейерверки. Зеленые ленты взмыли над пропастью, прикрепились к стене напротив нас и превратились в стебли, натянутые ровно, как струны гигантской лютни. Птицы легко пролетели бы между стеблями – но они вдруг обезумели и, пытаясь обогнуть растения, начали на лету сталкиваться друг с другом.

А стебли всё крепили, на них распускались листья и цветы и поспевали ягоды земляники, наполняя воздух сладким ароматом.

Зал задрожал. Там, где растения касались камня, кирпичи трескались и крошились, давая им укорениться.

Мэг убрала руки с невидимых клавиш:

– Лабиринт что... помогает нам?!

– Не знаю! – ответил я, яростно играя минорный септаккорд фа. – Продолжай!

Волна зелени мгновенно захлестнула стены зала.

Не успел я подумать: «Ого, а как бы они тогда росли при солнечном свете!» – как вдруг купол над нами треснул словно яичная скорлупа, и мрак разрезали яркие лучи. Вниз посыпались камни, они сбивали птиц и рвали стебли (которые, в отличие от стриксов, тут же вырастали заново).

Стоило птицам попасть под лучи солнца – и они с воплями рассыпались в прах.

Гроувер опустил свирель. Я отложил укулеле. Мы в изумлении смотрели, как разрастаются стебли, пока у нас под ногами не образовался настоящий земляничный батут, полностью закрывший собой пропасть.

Потолок рассыпался – и мы увидели ярко-голубое небо. Нас обдало горячим, сухим, словно из духовки, воздухом.

Гроувер подставил лицо солнцу. Он шмыгнул носом, и на щеках у него заблестели слезы.

– Ты ранен? – спросил я.

Он посмотрел на меня. Тоска в его глазах сверкала ярче солнечных лучей.

– Запах земляники, – сказал он. – Как в Лагере полукровок. Столько времени прошло...

В груди у меня затеплилось незнакомое чувство. Я похлопал Гроувера по ноге. В Лагере полукровок – тренировочном лагере для греческих полубогов на Лонг-Айленде – я пробыл совсем недолго, но понимал, что он чувствует. Я подумал о своих детях – Кайле, Уилле, Остине: как они там? Мне вспомнилось, как мы вместе сидели у костра, распевали «Моя мамаша была Минотавром» и поджаривали маршмэллоу на палочках. Такую дружбу встретишь не часто, даже если живешь вечно.

Мэг привалилась к стене. Она была бледна и тяжело дышала.

⁷ «Земляничные поля навсегда» («Strawberry Fields Forever») – знаменитая песня группы «Битлз».

Порывшись в карманах, я нашел поломанный квадратик амброзии, завернутый в салфетку. Припас я его не для себя. Смертный, вкусивший пищи богов, рискует внезапно воспалиться и погибнуть. Правда, я обнаружил, что Мэг амброзия была не очень-то по душе.

– Ешь, – я вложил салфетку ей в руку. – Тогда паралич пройдет быстрее.

Мэг стиснула зубы, словно готовясь завопить «НЕ ХОЧУ!», но, видимо, мысль о том, что она снова сможет ходить, заставила ее передумать, и она принялась за амброзию.

– А что там, наверху? – спросила она, хмуро глядя на голубое небо.

Гроувер вытер с лица слезы:

– Мы дошли. Лабиринт привел нас прямо к базе.

– К базе?

Узнать о том, что у нас есть база, было приятно. Я надеялся, что это безопасное укрытие, в котором будет мягкая постель и, может быть, даже кофеварка.

– Ага, – Гроувер нервно сглотнул. – Если, конечно, от нее хоть что-то осталось. Давайте-ка это выясним.

4

*Добро пожаловать
Вот база: камни, песок и руины
Я камни назвал?*

Друзья рассказали, что до поверхности я добрался.

Сам я не помнил.

Мэг была частично парализована, Гроувер полпути тащил меня наверх, и может показаться странным, что вырубился именно я. Но что тут скажешь? Тот фа-минорный септаккорд из «Земляничных полей навсегда» дался мне труднее, чем я думал.

Зато я отлично запомнил свои горячечные видения.

Передо мной возвышалась прекрасная женщина с оливкового цвета кожей, ее длинные рыжие волосы были заплетены в косу, которая короной лежала на голове, серое платье без рукавов было легким, как крылья мотылька. На вид ей было около двадцати, но ее глаза напоминали черные жемчужины: свой яркий блеск – защитную оболочку, скрывающую невыразимые печаль и разочарование, – они приобрели не за одно столетие. Это были глаза бессмертной, видевшей закат великих цивилизаций.

Мы стояли на каменной площадке, у наших ног простиралось нечто вроде закрытого бассейна, наполненного лавой. Воздух был так раскален, что едва не плавился. От пепла щипало глаза.

Женщина воздела руки в мольбе. Ее запястья охватывали раскаленные докрасна железные кандалы. Она была прикована к площадке оплавленными цепями, хотя горячий металл, похоже, не обжигал ее.

– Мне жаль, – сказала она.

Я откуда-то знал, что она говорит не со мной. Я смотрел на нее чужими глазами. Глазами того, кому она только что сообщила нечто плохое, даже ужасное, хотя я понятия не имел, что именно.

– Я бы спасла тебя, если б могла, – продолжала она. – И ее тоже. Но я не могу. Скажи Аполлону, что он должен прийти. Только ему под силу освободить меня, хотя это... – она захрипела, будто ей в горло воткнулся осколок стекла. – Семь букв. Первая «л».

«Ловушка, – решил я. – Правильный ответ – «ловушка»!

На мгновение я обрадовался: так бывает, когда смотришь телевикторину и знаешь ответ. «Если бы на месте участника был я, – думаете вы, – то выиграл бы все призы!»

А потом я понял, что мне совсем не нравится эта викторина. Особенно если разгадка – «ловушка». Особенно если эта ловушка – мой суперприз.

Образ женщины растворился в пламени.

Я понял, что нахожусь в другом месте – на закрытой террасе, с которой открывался вид на освещенный луной залив. Вдалеке, окутанная туманом, возвышалась знакомая темная громада Везувия, каким он был до того, как в 79 году н. э. извержение разворотило его вершину, уничтожило Помпеи и унесло жизни тысяч римлян. (Это все Вулкан. Неделя у него не задалась.)

Вечернее небо окрасилось в фиолетовый, словно кровоподтек, цвет; берег был едва виден в свете камина, луны и звезд. Пол террасы у меня под ногами украшала мозаика, блестящая золотыми и серебряными плитками, – такое мог себе позволить далеко не каждый римлянин. Цветные фрески на стенах обрамлялись шелковыми тканями, которые стоили сотни тысяч денариев. Я понял, куда попал: на императорскую виллу, в один из дворцов удовольствий, которые на заре империи были в изобилии раскиданы по берегу Неаполитанского залива. Обычно

такие дворцы в знак власти и богатства хозяев озарялись светом ночь напролет, но в этот раз факелы на террасе были потушены и завернуты в черную ткань.

В тени колонны стоял стройный молодой человек и глядел на море. Его лицо скрывала тень, но поза выдавала нетерпение. Скрестив руки на груди, он теребил белую одежду и ногой в сандалии стучал по полу.

На террасе появился второй человек. Бряцая доспехами и тяжело дыша, решительным шагом вошел коренастый воин. Лицо его скрывал шлем преторианского гвардейца.

Преклонив колени перед молодым мужчиной, он сказал:

– Все исполнено, принцепс.

– На этот раз наверняка? – прозвучал молодой резкий голос. – Мне больше не нужны сюрпризы.

Претор поперхнулся:

– Не сомневайтесь, принцепс.

Стражник вытянул вперед большие волосатые руки. В лунном свете блеснули кровавые царапины, словно чьи-то пальцы в отчаянии пытались разодрать его плоть.

– Чем ты его? – в голосе молодого человека звучало восхищение.

– Его подушкой, – ответил здоровяк. – Так было проще всего.

Молодой человек рассмеялся:

– Старый боров это заслужил. Я годами ждал его смерти, наконец он сыграл в ситуту, и у него хватит наглости выжить?! Нет уж. Завтра в Риме наступит прекрасное будущее.

Он сделал шаг, и лунный свет озарил его лицо – я знал его, но все бы отдал, лишь бы никогда его не видеть.

Это был худощавый и угловатый молодой человек, красивый на свой манер, только вот уши слишком оттопыривались. У него была коварная улыбка и добрые глаза барракуды.

Даже если ты не понял, кто он, любезный читатель, я уверен: ты с ним встречался. Это он тот школьный задира, который всегда выходит сухим из воды; тот, кто устраивает самые жесткие приколы, заставляет других выполнять за него грязную работу и умудряется оставаться ангелом в глазах учителей. Это он тот мальчишка, что отрывает лапки насекомым и мучает бродячих животных, но при этом смеется с неподдельной радостью – и вот ты уже почти поверил, что всё это лишь невинные шалости. Это он тот парень, который в храме крадет деньги с блюда для пожертвований, хотя местные старушки искренне считают его «таким приятным юношей».

Он именно такой человек, именно такой злодей.

И сегодня он приобрел новое имя, которое не предвещало Риму ничего хорошего.

Преторианец склонил голову:

– Славься, Цезарь!

Когда я проснулся, меня трясло.

– Как раз вовремя, – сказал Гроувер.

Я сел. В голове стучало. Во рту будто стрикс сдох.

Я лежал под навесом из синей полиэтиленовой пленки, прикрепленной к склону холма. Под нами была пустыня. Солнце клонилось к закату. Рядом спала Мэг, свернувшись в клубочек и положив руку мне на запястье. Это было мило, если бы я не знал, где перед этим побывали ее пальцы. (Подсказка: у нее в носу.)

Гроувер сидел неподалеку на здоровенном камне и пил воду из фляжки. Вид у него был усталый – значит, все то время, что мы спали, он нас охранял.

– Я вырубился? – спросил я.

Он бросил мне фляжку:

– Я-то думал, это я соня. Ты продрях несколько часов.

Я сделал глоток воды и потер глаза, мечтая стереть из памяти недавние видения: прикованная женщина в горячей комнате, ловушка для Аполлона, новый цезарь с дивной улыбкой юного социопата.

«Не думай об этом, – сказал я себе. – Не все сны сбываются».

И тут же добавил: «Да, только дурные. Как эти».

Я перевел взгляд на храпящую под навесом Мэг. На ноге у нее была свежая повязка, поверх изорванного платья надета чистая футболка. Я попытался отнять у нее руку, но она только сильнее в нее вцепилась.

– С ней всё нормально, – заверил меня Гроувер. – По крайней мере физически. Как только мы устроили тебя, она тут же уснула. – Он нахмурился. – Правда, она не хотела здесь оставаться. Место ей не понравилось. Порывалась убежать. Я испугался, не сиганет ли она обратно в Лабиринт, но потом убедил ее, что сначала нужно отдохнуть. Немного поиграл, чтобы она успокоилась.

Я огляделся, пытаюсь понять, что же так расстроило Мэг.

Местность вокруг была едва ли симпатичнее Марса. (Я сейчас о планете, а не о боге, хотя и ту, и другого приятными не назовешь.)

Долину окружали выжженные солнцем охровые горы, яркими пятнами выделялись неестественно зеленые поля для гольфа, неподалеку зияли пыльные бесплодные пустыри и тянулись ряды домиков с белыми оштукатуренными стенами, красной черепицей на крышах и голубыми бассейнами во дворах. Вдоль улиц торчали пальмы без листьев – словно нитки в растрепанных швах. Асфальт на автостоянках блестел от жары. В воздухе висела бурая дымка, отчего казалось, что долина залита водянистым соусом.

– Палм-Спрингс, – понял я.

Я неплохо знал этот город в 1950-е годы. Точно помню, как устраивал вечеринку с Фрэнком Синатрой рядом вон с тем полем для гольфа – но теперь казалось, что это было в прошлой жизни. Наверное, потому, что так оно и было.

Теперь всё здесь было не таким уж приветливым: стояла ранняя весна, наступал вечер, но жара была невыносимой, было слишком душно и в воздухе пахло чем-то едким. Что-то здесь было не так, но непонятно, что именно.

Я огляделся: мы были на вершине холма; на западе, у нас за спиной, расстилалась дикая природа Сан-Хасинто, на востоке, под нами, раскинулся Палм-Спрингс. Внизу холм огибала гравийная дорога, по ней, проехав полмили, можно было добраться до ближайшего района, – но очевидно, в прошлом на нашем холме были куда более внушительные постройки.

На каменистом склоне возвышалось с полдюжины занесенных песком пустых кирпичных цилиндров диаметром примерно футов по тридцать, похожих на развалины сахарного завода. Они отличались по высоте и степени сохранности, но их верхушки находились вровень друг с другом, и я предположил, что перед нами гигантские сваи, служившие основанием для какого-то строения. Судя по усеивающим склон обломкам – осколкам стекла, обугленным доскам, почерневшим склеившимся кирпичам, – можно было предположить, что это строение сгорело много лет назад.

И тут я понял: из Лабиринта мы выбрались, по всей видимости, через один из этих цилиндров.

Я повернулся к Гроуверу.

– А что со стриксами?

Он покачал головой:

– Если кто из них и выжил, на дневной свет они не сунутся, даже если сумеют пробраться сквозь землянику: растения заполонили весь колодец, – он указал на дальний кирпичный цилиндр, откуда мы, наверное, и вылезли. – И вход, и выход здесь теперь заблокированы.

– Но... – я указал на руины, – ведь не это твоя база?

Я надеялся, что он скажет: «Нет, что ты, наша база вон в том милом домике с бассейном олимпийского размера, рядом с пятнадцатой лункой!» Однако ему хватило наглости радостно заявить:

– Да, это она. Здесь такая сильная природная энергия. Идеальное убежище. Чувствуешь жизненную силу?

Я взял обугленный кирпич:

– Жизненную силу?

– Вот увидишь, – Гроувер снял шапку и почесал между рогами, – когда такое творится, дриадам приходится спать до заката. Только так им удается выжить. Но скоро они проснутся.

Когда такое творится.

Я посмотрел на запад. Солнце только что зашло за горы. Небо было окрашено в насыщенные тона красного и черного, словно мы были в Мордоре⁸, а не в Южной Калифорнии.

– А что случилось? – спросил я, не уверенный, что хочу услышать ответ.

Гроувер устремил печальный взгляд вдаль:

– Ты не смотришь новости? Крупнейшие лесные пожары в истории штата. А еще засуха, аномальная жара и землетрясения... – Он вздрогнул. – Тысячи дриад погибли. Еще тысячи упали в спячку. Даже будь это обычные природные катастрофы, это было бы ужасно, но...

Мэг закричала во сне. Она резко вскочила и растерянно заморгала. Паника в ее глазах говорила о том, что ее кошмары были страшнее моих.

– М-мы и правда здесь? – спросила она. – Мне не приснилось?

– Все хорошо, – сказал я. – Ты в безопасности.

Она замотала головой, губы у нее задрожали.

– Это вряд ли. – Она неловко сняла очки, словно так ей было легче смотреть на размытый пейзаж. – Я не могу быть здесь. Только не снова.

– Снова? – переспросил я. В голове всплыла строчка из полученного в Индиане пророчества: – *«Деметры чадо корни обретет...»* Ты что, здесь жила?

Мэг окинула взглядом руины и горестно пожалала плечами. Что это значило – «Не знаю» или «Не хочу об этом говорить», – я не понял.

Вряд ли пустыня была подходящим домом для Мэг – девчонки с улиц Манхэттена, выросшей при дворе Нерона.

Гроувер задумчиво тербил бородку:

– Деметры чадо... Вообще вполне возможно.

Я уставился на него:

– В таком месте? Скорее уж чадо Вулкана. Или Феронии, богини лесов. Или даже Мефитис – богини ядовитых испарений. Но Деметры? Что будет выращивать здесь дитя Деметры? Камни?

Вид у Гроувера был обиженный:

– Ты не понимаешь. Вот познакомишься с ними...

Мэг выползла из-под тента и, пошатываясь, встала на ноги:

– Я пошла отсюда.

– Постой! – взмолился Гроувер. – Нам нужна твоя помощь. Хотя бы поговори с остальными!

Мэг застыла в нерешительности:

– С остальными?

Гроувер указал на север. Сидя я не видел, на что он показывает. Но, поднявшись, заметил выстроившиеся за руинами в ряд шесть белых «коробок» – сараи? Нет. Теплицы. Та, что стояла к руинам ближе всего, давным-давно оплавилась и рухнула – наверняка еще одна

⁸ Мордор – в книгах Дж. Р. Р. Толкина так назывались земли, в которых правил могущественный злой властелин Саурон.

жертва пожара. Поликарбонатные стенки и крыша второй рассыпались как части карточного домика. Но оставшиеся четыре выглядели невредимыми. Рядом с ними громоздились глиняные цветочные горшки. Двери были открыты. Растения изнутри напирали на прозрачные стены, пальмовые ветви напоминали огромные руки неведомого существа, пытающегося выбраться наружу.

Неужели что-то могло выжить в такой раскаленной бесплодной пустыне, да еще в теплице, где должно быть еще жарче? Мне совершенно не хотелось лезть в эти душные коробки и заработать приступ клаустрофобии.

Но Гроувер ободряюще улыбнулся:

– Уверен, все уже проснулись. Пойдем, познакомлю вас с бандой!

5

*Врач-суккулент
Излечи мои раны
(только не пачкай!)*

Вслед за Гроувером мы подошли к первой из уцелевших теплиц. Пахло оттуда как изо рта Персефоны.

Это не комплимент, если что. Мне доводилось сидеть рядом с мисс Весной на семейных ужинах, и она ничуть не стеснялась своего галитоза⁹. Представьте себе, как пахнет из бака, наполненного влажной мульчей¹⁰ и экскрементами дождевых червей. Просто обожаю весну, ага.

Внутри теплицы раскинулось царство растений. Выглядело это жутковато, учитывая, что росли здесь по большей части кактусы. Место у входа оккупировал склерокактус размером с бочку с крекерами, растопыривший во все стороны желтые иглы-шампуры. В дальнем углу росло прекрасное дерево Джошуа¹¹, лохматые ветви которого подпирали крышу. У стены напротив цвела огромная колючая груша¹²: на дюжине уплощенных жестких стеблей красовались фиолетовые плоды, на вид очень вкусные – только вот на каждом было больше шипов, чем на любимой булаве Ареса. Металлические столы скрипели под весом других суккулентов: солероса, эскобарии, чолла и многих других, названий которых я не знаю. Стояла такая жара, и вокруг было столько шипов и цветов, будто я вернулся в 2003 год и попал на фестиваль «Коачелла», где выступал Игги Поп.

– Я вернулся! – объявил Гроувер. – И привел друзей.

Тишина.

Даже на закате здесь было так жарко и душно, что мне показалось: еще пять минут – и я умру от теплового удара. А я, между прочим, был когда-то богом солнца.

Наконец показалась первая дриада. На колючей груше появился пузырек хлорофилла. Он лопнул, высвободив зеленую дымку. Капельки собрались вместе и превратились в маленькую девочку с изумрудной кожей и торчащими в разные стороны словно иголки желтыми волосами. Она была в платье, сделанном из бахромы, только бахромой служили шипы кактуса. Взгляд у девочки был почти таким же колючим, как ее платье. К счастью, смотрела она не на меня, а на Гроувера.

– Где ты был?! – возмущенно спросила она.

– А... – Гроувер прокашлялся. – Меня призвали. С помощью магии. Я тебе потом все объясню. Смотри, я привел Аполлона! И Мэг – дочь Деметры!

Он произнес имя Мэг с таким пафосом, будто она была умопомрачительным призом в телешоу «Цена удачи»¹³.

– Хм, – сказала дриада. – Думаю, дочерям Деметры к нам можно. Я Колючая Груша. Можно просто Груша.

– Привет, – еле слышно отозвалась Мэг.

Дриада, прищурившись, взглянула на меня. Памятуя о ее колючем платье, я надеялся, что обнимашек удастся избежать.

⁹ Галитоз – медицинский термин, обозначающий дурной запах изо рта.

¹⁰ Мульча – органический или неорганический материал (кора, трава, гравий и т. п.), которым покрывают плодородную почву, чтобы защитить ее от эрозии, сорняков, слишком высоких или слишком низких температур.

¹¹ Дерево Джошуа – многолетнее вечнозеленое растение, также известное под названием «юкка коротколистная».

¹² Колючая груша – вид кактуса, также известного как «опунция индийская» или «опунция инжирная».

¹³ «Цена удачи» (*англ.* The Price Is Right) – телешоу, участники которого должны угадывать стоимость дорогих призов.

– Ты Аполлон – в смысле тот самый бог Аполлон? – спросила она. – Даже не верится.
– Порой и мне тоже, – признался я.

Гроувер обвел взглядом теплицу:

– А где остальные?

Как по команде на другом суккуленте лопнул пузырек хлорофилла, и появилась вторая дриада – крупная молодая женщина в муу-муу¹⁴, будто сделанном из чешуек артишока. Вместо волос у нее на голове рос целый лес темно-зеленых треугольников. Лицо и руки дриады блестели, словно смазанные маслом. (Я внушал себе, что это масло, а не пот.)

– Ах! – вскрикнула она, заметив наш побитый вид. – Вы ранены?!

Груша закатила глаза:

– Ал, прекрати!

– Но они же наверняка ранены! – Ал, шаркая, вышла вперед и взяла меня за руку. Ее рука оказалась холодной и маслянистой. – Давайте я хотя бы залечу эти раны. Гроувер, почему ты не исцелил этих бедняжек?

– Я пытался! – стал оправдываться сатир. – Но у них слишком много травм!

Пожалуй, это могло бы стать моим девизом по жизни: «У него слишком много травм».

Ал провела кончиками пальцев по моим ранам, оставляя дорожки слизи. Ощущение не из приятных, но боль и правда утихла.

– Ты Алоэ Вера, – догадался я. – Я готовил из тебя целебные мази.

Она просияла:

– Он меня помнит! Аполлон меня помнит!

В дальнем углу комнаты из ствола дерева Джошуа появилась еще одна дриада – дриада-мужчина, а они встречаются довольно редко. У него была коричневая, как кора его дерева, кожа, длинные непослушные волосы оливкового цвета и наряд оттенка выцветшего хаки. Он походил на путешественника-первооткрывателя, только что вернувшегося из какой-то глуши.

– Я Джошуа, – представился он. – Добро пожаловать в Аэйталес.

В этот самый момент Мэг Маккаффри надумала грохнуться в обморок.

Спроси она меня, я бы сказал, что падать без чувств перед симпатичным парнем – никудышный прием. Сколько я ни пробовал, за тысячи лет жизни мне это ни разу не помогло. Но я хороший друг и подхватил ее прежде, чем она ударилась лицом о гравий.

– Бедняжка! – Алоэ Вера вновь осуждающе посмотрела на Гроувера. – Она совсем без сил, да еще и перегрелась. Ты что, гнал ее сюда без передышки?

– Она весь день проспала!

– Так, она обезвожена, – Алоэ положила руку на лоб Мэг. – Ей нужна вода.

Груша фыркнула:

– Как и всем нам.

– Отнесите ее в Цистерну, – распорядилась Ал. – Мелли уже должна была проснуться. Я приду туда через минуту.

Гроувер оживился:

– Мелли здесь? Они добрались?

– Прибыли сегодня утром, – сказал Джошуа.

– А поисковые отряды? – спросил Гроувер. – О них что-нибудь слышно?

Дриады встревоженно переглянулись.

– Новости невеселые, – ответил Джошуа. – Пока вернулась только одна группа, и...

– Прошу прощения, – взмолился я. – Уж не знаю, о чем вы говорите, но Мэг вообще-то тяжелая. Куда мне ее отнести?

Гроувер вздрогнул:

¹⁴ Муу-муу – свободная гавайская одежда.

– Точно. Прости, я вас провожу. – Он закинул левую руку Мэг себе на плечи, разделив со мной ее вес, а затем посмотрел на дриаду: – Ребята, давайте все соберемся на ужин в Цистерне? Нужно многое обсудить.

– Я передам в другие теплицы, – кивнул Джошуа. – Гроувер, а ты обещал нам энчилады. Три дня назад.

– Помню, – вздохнул Гроувер. – Я достану.

Вдвоем мы вытащили Мэг из теплицы. Пока мы несли ее по склону холма, я решился задать Гроуверу вопрос, который не давал мне покоя:

– Дриады едят энчилады?

– Конечно, – обиженно ответил он. – А ты думал, они питаются исключительно удобрениями?

– Ну... да.

– Предвзвездки, – проворчал он.

Я понял намек и сменил тему.

– Мне кажется – или Мэг упала в обморок, потому что услышала название этого места? – спросил я. – Аэйталес. Если мне не изменяет память, на древнегреческом это значит «вечно-зеленый».

Странно называть так место посреди пустыни. Хотя это не более странно, чем то, что дриады едят энчилады.

– Это слово было вырезано на старом пороге, – объяснил сатир. – Мы мало что знаем о руинах, но, как я уже сказал, это место пронизывает природная энергия. Те, кто жил здесь и построил теплицы... они знали, что делают.

Вот бы и мне знать.

– Разве дриады не родились в этих теплицах? Они не помнят, кто их посадил?

– Большинство были слишком малы, когда дом сгорел, – сказал Гроувер. – Кто-то из старых растений может знать больше, но они все впали в спячку. А кого-то... – он кивнул в сторону разрушенных теплиц, – уже нет с нами.

Мы почтили молчанием память погибших суккулентов.

Гроувер повел нас к самому большому из кирпичных цилиндров. Судя по его размеру и по тому, что он располагался в самом центре руин, я решил, что это остатки центральной опоры разрушенного здания. На уровне земли по окружности колонны были сделаны прямоугольные отверстия, похожие на окна средневекового замка. Через одно из таких отверстий мы втащили Мэг внутрь и оказались в помещении, сильно напоминающем колодец, в котором мы сражались со стриксами.

Крыши не было: над головой виднелось небо. Спиральный выступ вел вниз всего на двадцать футов, где, к счастью, упирался в дно. Посреди грязного пола словно дырка гигантского пончика блестел темно-синий водоем, охлаждающий воздух, так что находиться здесь было весьма приятно. Вокруг пруда лежали спальные мешки. Ниши в стене были заполнены цветущими кактусами.

Роскошью Цистерна не блистала – ничего общего с обеденным павильоном в Лагере полукровок или со Станцией в Индиане, – но, войдя внутрь, я тут же почувствовал себя лучше. Я был в безопасности. Я понял, что пытался мне втолковать Гроувер. Это место было наполнено умиротворяющей энергией.

Мы дотащили Мэг до самого низа, причем ни разу не уронили ее и сами не упали, что, по-моему, уже большой успех. Когда мы устроили ее на одном из спальных мешков, Гроувер оглядел комнату.

– Мелли? – позвал он. – Глисон? Вы тут, ребята?

Имя «Глисон» смутно отозвалось в памяти, но, как обычно, ничего определенного вспомнить я не сумел.

На растениях не появились пузырьки с хлорофиллом. Мэг перевернулась на бок и пробормотала во сне... Что-то про Персика. И тут на краю пруда начала сгущаться белая дымка. В конце концов она приняла форму изящной женщины в серебристом платье. Темные волосы парили вокруг нее, словно она плыла под водой, и открывали ее заостренные ушки.

На одном плече у нее была ляжка слинга, в котором спал семимесячный малыш с копытцами на ножках и крохотными козлиными рожками на голове. Пухлой щечкой он прижимался к ключице матери. Из рта крохи как из рога изобилия текли нескончаемые слюни.

Облачная нимфа (а это, конечно, была она) улыбнулась Гроуверу. Её карие глаза покраснели от недосыпа. Женщина прижала палец к губам, призывая нас не будить ребенка. И правильно. Маленькие сатиры в таком возрасте громкие и неугомонные и могут сгрызть за день несколько консервных банок.

– Мелли, у вас получилось! – прошептал Гроувер.

– Гроувер, дорогой! – Она взглянула на спящую Мэг, а затем кивнула в мою сторону: – Ты... Ты он?

– Если ты спрашиваешь, Аполлон ли я, то боюсь, что да.

Мелли поджала губы:

– До меня доходили слухи, но я не верила. Бедненький. Как ты?

В былые времена я бы поднял на смех любую нимфу, дерзнувшую назвать меня «бедненьким». Конечно, тогда нимфы редко проявляли ко мне такую чуткость. Обычно они от меня убегали. Забота Мелли так тронула меня, что к горлу подкатил ком. Мне захотелось положить ей голову на свободное плечо и выплакаться.

– Я... я в порядке, – выдавил я. – Спасибо.

– А твоя спящая подруга? – спросила она.

– Думаю, она просто свалилась от усталости. – Хотя я сомневался, что в случае с Мэг дело только в этом. – Алоэ Вера сказала, что скоро придет и позаботится о ней.

– Ладно. – Вид у Мелли был встревоженный. – Я прослежу, чтобы Алоэ не переусердствовала.

– Не переусердствовала?

Гроувер кашлянул:

– А где Глисон?

Мелли окинула взглядом комнату, словно только сейчас заметила, что этого самого Глисона рядом не было.

– Не знаю. Мы приехали вместе, а днем я заснула. Он собирался пойти в город, купить все необходимое для лагеря. Который час?

– Солнце уже село, – ответил Гроувер.

– Он уже должен был вернуться, – Мелли замерцала от волнения и стала такой прозрачной, что я испугался, как бы ребенок не упал сквозь ее туманное тело прямо на землю.

– Глисон твой муж? – догадался я. – Сатир?

– Да, Глисон Хедж, – кивнула Мелли.

И я начал смутно припоминать его – сатира, который вместе с героями-полубогами был на «Арго II».

– Ты помнишь, куда он пошел?

– По пути сюда, под холмами, нам встретился магазин военных товаров. А он любит такие магазины, – Мелли посмотрела на Гроувера. – Он, наверное, просто увлекся, но... Может, вы поищите его?

И тут я понял, что Гроувер Ундервуд, скорее всего, страшно измотан. Глаза у него были еще краснее, чем у Мелли. Плечи поникли. Свирель бессильно болталась на шее. В отличие от Мэг и меня, он не спал с прошлой ночи, которую мы провели в Лабиринте. Он призвал панику,

чтобы спасти нас, а потом весь день охранял нас, дожидаясь, когда проснутся дриады. Теперь же его просили снова отправиться в путь, чтобы найти Глисона Хеджа.

И все же он собрался с силами и улыбнулся:

– Без проблем, Мелли.

Она чмокнула его в щеку:

– Ты лучший повелитель природы из всех!

Гроувер покраснел:

– Присмотри за Мэг Маккаффри, пока нас не будет, ладно? Пошли, Аполлон. Пройдемся по магазинам.

6

*То и дело огонь
Суслики треплют нервы
Обожжаю пустыню*

Даже если тебе четыре тысячи лет, жизнь может преподать урок. Например: никогда не ходи по магазинам с сатиром.

Магазин мы искали целую вечность, потому что Гроувер все время отвлекался. Остановился поболтать с юккой¹⁵. Объяснил дорогу семейству сусликов. А неожиданно почуяв запах дыма, таскал меня за собой по пустыне, пока мы не нашли на дороге незатушенную сигарету.

– Так и начинаются пожары, – сказал он и с важным видом уничтожил окурочок – то есть попросту его проглотил.

По-моему, в радиусе мили от нас не было ничего, что могло бы загореться. Я был абсолютно уверен, что камни и земля не горят, но спорить с тем, кто ест сигареты? Увольте. И мы снова отправились на поиски магазина военных товаров.

Наступила ночь. Горизонт на западе светился: это было не привычное оранжевое сияние светового загрязнения, а зловещий красный огонь бушевавшего вдалеке адского пламени. Из-за дыма не было видно звезд. Прохлады ночь тоже почти не принесла. В воздухе по-прежнему стоял резкий и странный запах.

Я вспомнил огненную волну, которая едва не испепелила нас в Лабиринте. Тот жар был живым – обиженным и злобным. Было легко представить, как такие волны бушуют под пустыней, пронесаются сквозь Лабиринт, превращая земли смертных в безлюдные пустоши.

Мне вспомнился сон о женщине в оплавленных цепях, у ног которой плескалась лава. И хотя память меня подводила, я был уверен, что видел Эритрейскую Сивиллу – следующего оракула, которого мы должны освободить от власти императоров. Что-то мне подсказывало, что ее держат в самом центре... того, что создает эти подземные пожары. Так что встреча с ней не сулила ничего хорошего.

– Гроувер, – сказал я, – в теплице ты что-то говорил про поисковые отряды?

Он бросил на меня быстрый взгляд и с трудом сглотнул, будто тот злосчастный окурочок застрял у него в горле.

– Самые крепкие сатиры и дриады месяцами прочесывали пустыню... – Он задумчиво посмотрел на дорогу. – У нас ведь не так много следопытов. Из-за огня и жары по-настоящему воплотиться способны только духи кактусов. Пока живыми вернулись немногие. Что с остальными... неизвестно.

– А что они ищут? – спросил я. – Источник огня? Императора? Оракула?

Копыта Гроувера были спрятаны в ботинки, поэтому он все время скользил и спотыкался на посыпанной гравием обочине.

– Это звенья одной цепи. Иначе не может быть. Пока ты не рассказал мне об оракуле, я ничего о нем не знал, но если император где его и прятал, то точно в Горящем Лабиринте. А Горящий Лабиринт и есть источник всех наших проблем.

– Ты имеешь в виду тот самый Лабиринт?

– Вроде того. – Нижняя губа Гроувера задрожала. – Под Южной Калифорнией простирается сеть туннелей, мы думаем, что это часть большого Лабиринта, но с ней что-то не так. Словно она... заражена. Словно ее лихорадит. Пожары объединяются, набирают силу. Иногда

¹⁵ Юкка – древовидное вечнозеленое растение.

они сливаются друг с другом и выплескиваются на поверхность – вон, смотри! – Он указал на юг.

На склоне ближайшего холма, в четверти мили от нас, из земли вырвался столб желтого огня и устремился к небу словно пламя на кончике сварочной горелки. А затем он вдруг исчез, и напоминала о нем лишь горстка оплавленных камней. Я представил, что бы случилось, если бы я стоял там, когда фонтан пламени вырвался из земли.

– Так быть не должно, – сказал я. Ноги у меня подкашивались, как будто это я, а не сатир, шел в маскировочных ботинках.

Гроувер кивнул:

– У нас в Калифорнии и так было полно проблем: засуха, глобальное потепление, загрязнение окружающей среды – короче, как обычно. Но это пламя... – Он помрачнел. – Это магия, которую мы не понимаем. Я провел здесь почти год, пытаюсь отыскать источник жара и уничтожить его. Уже столько друзей потерял... – В его голосе звучала горечь.

Я знал, что такое терять друзей. За прошедшие века я потерял много смертных, которые были мне дороги, но в тот момент я подумал не о человеке, а о грифонице Элоизе. Она погибла, защищая свое гнездо и всех нас, когда на Станцию напал император Коммод. Я вспомнил ее хрупкое тело, ее перья, рассыпавшиеся прахом на грядке в саду, устроенном Эмми на крыше...

Гроувер встал на колени и сомкнул ладони вокруг кустика каких-то сорняков. Листья начали крошиться.

– Слишком поздно... – пробормотал он. – Когда я был искателем и пытался найти Пана, у меня по крайней мере была надежда. Я думал, что разыщу Пана, и он спасет нас. А теперь... бог природы мертв.

Я взглянул на сверкающие огни Палм-Спрингс и попытался представить Пана в подобном месте. Природе с лихвой досталось от людей. Неудивительно, что Пан ослаб и ушел из жизни. То, что осталось от его духа, он завещал своим последователям – сатирам и дриадам, – возложив на них обязанность защищать природу.

Как по мне, идея была ужасной. Как-то раз я уехал в отпуск и оставил сферу музыки на попечение своего ученика Нельсона Риддла¹⁶. Когда через пару десятков лет я вернулся, то обнаружил, что в поп-музыке откуда-то взялись слащавые скрипки и бэк-вокал, а по телевидению в прайм-тайм показывают, как Лоренс Велк¹⁷ играет на аккордеоне. Да чтоб я еще раз... Никогда!

– Пан бы гордился тобой, – сказал я Гроуверу. Но и сам понял, как жалко это прозвучало.

Гроувер встал:

– Мои отец и дядя погибли, разыскивая Пана. Было бы здорово, если бы нам хоть кто-нибудь помог продолжать его дело. Людям все равно. Даже... – Он замолчал, но я догадывался, что он хотел сказать: «Даже богам все равно».

И надо признать, он был прав.

Боги не стали бы горевать по грифону, по горстке дриад или по очередной погибшей экосистеме. «Чего-чего? – подумали бы мы. – Да побоку!»

Но чем дольше я был смертным, тем сильнее страдал даже от малейшей утраты.

Как же бесит быть смертным!

Мы обошли огороженный забором поселок и направились к магазинам, неоновые вывески которых сверкали вдалеке. Я внимательно смотрел под ноги, гадая, не вырвется ли из-под земли столб пламени и не превратит ли он меня в Лестера фламбе¹⁸.

¹⁶ Нельсон Риддл – американский музыкант, композитор и аранжировщик, много лет сотрудничавший с Фрэнком Синатрой.

¹⁷ Лоренс Велк – американский аккордеонист, который с 1951 по 1982 год вел собственное музыкальное шоу на телевидении.

¹⁸ Фламбе, фламбирование – кулинарный прием, обжиг готового блюда открытым огнем.

– Ты сказал, что все связано, – вспомнил я. – Думаешь, это третий император создал Горящий Лабиринт?

Гроувер оглянулся по сторонам, словно из-за пальмы мог выскочить император в страшной маске и с топором наперевес. Но если я правильно угадал, кто он, может, этого и стоило опасаться.

– Да, – кивнул он, – но мы не знаем как или почему. Мы даже не знаем, где его база. Пока ясно только, что он не сидит на одном месте.

– А... – Я осекся, боясь задать вопрос. – Вы знаете, кто он?

– Мы знаем лишь, что он пользуется монограммой «N.H.», – сказал Гроувер. – «Neos Helios».

В мой позвоночник будто впились острые зубы суслика.

– Это по-гречески. Значит «новое солнце».

– Да, – согласился Гроувер. – Не похоже на имя римского императора.

Не похоже, подумал я. Но это один из его любимых титулов.

Я решил ничего не говорить, тем более когда вокруг темно и рядом со мной лишь издерганный сатир. Расскажи я сейчас все, что знаю, мы с Гроувером могли запросто не выдержать и зарыдать друг у друга на плече – вышло бы очень неловко, да и делу бы не помогло.

Мы вошли в ворота, на которых красовалось название района – «Дезерт-Палмс»¹⁹ (неужто они заплатили тому, кто придумал им это имя?), – и направились к ближайшей торговой улице, освещенной огнями забегаловок и автозаправок.

– Я надеялся, что Мелли и Глисон узнали что-то новое, – сказал Гроувер. – Они были в Лос-Анджелесе с несколькими полубогами. Я думал, может, им удалось выследить императора или отыскать сердце Горящего Лабиринта.

– За этим они и прибыли в Палм-Спрингс? – спросил я. – Чтобы поделиться информацией?

– И за этим тоже.

Судя по тону Гроувера, у Мелли и Глисона был и другой – куда более мрачный – повод приехать. Но допытываться я не стал.

Мы остановились на большом перекрестке. На другой стороне проспекта находился склад-магазин под светящейся красной вывеской «ВОЕННОЕ БЕЗУМИЕ МАРКО». На стоянке виднелся только один автомобиль – старенький желтый «Форд Пинто», припаркованный у входа.

Я снова посмотрел на вывеску. И тут же понял, что там было написано вовсе не «МАРКО», а «МАКРО». Наверное, я слишком долго тусовался с полубогами и заразился от них дислексией.

Посещать место, которое обещало «военное безумие», мне совсем не хотелось. И что это за «макро»: макропредставление, или макрос, как в программировании, или... что-то другое? Почему из-за этого слова в мои нервы опять вгрызаются невидимые суслики?

– Похоже, закрыто, – безразлично заметил я. – Наверное, это не тот магазин.

– Нет, – Гроувер указал на «Пинто». – Это машина Глисона.

Ну конечно, это его машина, подумал я. Разве можно было ожидать иного, с моей-то удачей?

Мне хотелось сбежать. А еще мне совсем не нравились кровавые отблески вывески на асфальте. Но Гроувер Ундервуд провел нас через Лабиринт, и после разговора о потерянных друзьях я не мог допустить, чтобы ему пришлось столкнуться с новой утратой.

– Ну что ж, – проговорил я, – пошли искать Глисона Хеджа.

¹⁹ Desert Palms (англ.) – пальмы пустыни.

7

*Оптом семье
Покупай пиццу, а не
Осколочные гранаты*

Трудно ли отыскать сатира в магазине военных товаров?

Как выяснилось, весьма непросто.

Магазин «Военное безумие Макро» был огромен: один за другим в бесконечность тянулись ряды стеллажей, заставленных товарами, от которых отказались бы любые уважающие себя войска. У входа стоял гигантский ящик с ярко-фиолетовой вывеской «ПРОБКОВЫЕ ШЛЕМЫ! КУПИ ТРИ – ПОЛУЧИ ОДИН В ПОДАРОК!». Возле одного из рядов висело занятное сооружение из баллонов с пропаном – елка, украшенная гирляндами из шлангов для паяльных ламп. Над ней висел плакат с надписью «ПРАЗДНИК ВСЕГДА С ТОБОЙ!». На четверть мили вдаль уходили два ряда стеллажей, забитых камуфляжной одеждой всевозможных расцветок: коричневой – для пустынной местности, зеленой – для леса, серой – для зимы, а также ярко-розовой – на тот случай, если вашему спецотряду нужно будет проникнуть на день рождения маленькой принцессы.

Над каждым проходом висели указатели: «ХОККЕЙНЫЙ РАЙ», «ЧЕКИ ДЛЯ ГРАНАТ», «СПАЛЬНЫЕ МЕШКИ», «МЕШКИ ДЛЯ ТРУПОВ», «КЕРОСИНОВЫЕ ЛАМПЫ», «ПАЛАТКИ», «ДЛИННЫЕ ОСТРЫЕ ПАЛКИ». В дальнем конце магазина, до которого было не меньше полдня пути, был развернут огромный желтый плакат с надписью «ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ!!!».

Я посмотрел на Гроувера – в резком свете люминесцентных ламп он казался еще бледнее. – Начнем с походного снаряжения? – предложил я.

Он бросил взгляд на витрину с острыми колями радужной расцветки, и уголки его рта поползли вниз:

– Насколько я знаю, страсть тренера Хеджа – пистолеты и ружья.

И мы устремились к земле обетованной под названием «ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ».

Освещение в магазине было слишком ярким, и мне это не нравилось. Не нравилась мне и музыка, грохочущая из динамиков, и кондиционеры, из-за которых в магазине было холодно, как в морге.

Немногочисленные консультанты не обращали на нас внимания. Один молодой человек наклеивал стикеры с пометкой «Скидка 50 %» на биотуалеты фирмы «Порта-Пук™»²⁰. Другой работник, уставившись в пустоту, стоял столбом возле кассы. Может, от скуки он впал в нирвану. Все сотрудники были одеты в желтые жилетки, а на спине у них красовался логотип «Макро»: улыбающийся римский центурион, показывающий знак «о'кей».

И логотип этот мне тоже не нравился.

В передней части магазина на возвышении стояла будка управляющего, похожая на пост тюремного часового. Там, за плексигласовым стеклом, сидел человек, по размерам и силе не уступающий быку. Лысая голова его сверкала, вены на шее вздулись, а рубашка едва не лопалась на мускулистых руках. Мужчина сдвинул косматые белые брови, из-за чего казалось, будто он чем-то встревожен. Он проводил нас взглядом и улыбнулся, отчего у меня по коже побежали мурашки.

– Нам лучше уйти, – шепнул я Гроувелу.

Он посмотрел на управляющего:

²⁰ Вероятно, ироничный намек на фирму «Porta-Pro», которая занимается поставкой биотуалетов.

– Здесь нет монстров – я бы их точно почувал. Этот мужик человек.

Слабое утешение. Многие из тех, кого я терпеть не мог, были людьми. И несмотря на это, я пошел дальше за Гроувером.

Он оказался прав: Глисона Хеджа мы нашли в отделе с огнестрельным оружием. Насвистывая, он набивал тележку оптическими прицелами, ершиками для чистки ствола и прочей ерундой.

Стало ясно, почему Гроувер зовет его тренером. Хедж был в ярко-синих спортивных шортах из полиэстера, выставлявших напоказ его мохнатые козлиные ноги, красной бейсболке, надетой между небольших рожек, и белой рубашке-поло. На шее у него висел свисток, словно в любой момент его могли позвать судьей на футбольный матч.

Судя по его высушенному солнцем лицу, он был старше Гроувера, но угадать возраст сатира – задача не из простых. Они взрослеют в два раза медленнее людей. Я знал, что Гроуверу около тридцати земных лет, но по меркам сатиров ему всего шестнадцать. Значит, тренеру могло быть от сорока до ста человеческих лет.

– Глисон! – позвал Гроувер.

Тренер обернулся и расплылся в улыбке. В его тележке также оказались колчаны, ящики с боеприпасами и упакованными в пластик связками гранат с наклейкой «РАЗВЛЕЧЕНИЕ ДЛЯ ВСЕЙ СЕМЬИ!!!».

– Привет, Ундервуд! – воскликнул он. – Ты как раз вовремя! Помоги-ка мне погрузить пару наземных мин.

Гроувер вздрогнул:

– Наземных мин?

– Да это просто пустые корпуса, – сказал Глисон, указывая на жестянки, по виду напоминающие фляги, – но думаю, мы можем начинить их взрывчаткой и вернуть в рабочее состояние! Тебе какие больше нравятся: модели времен Второй мировой или войны во Вьетнаме?

– Э-э... – Гроувер схватил меня и толкнул вперед. – Глисон, это Аполлон.

Глисон нахмурился:

– Аполлон... в смысле настоящий Аполлон? – Он смерил меня взглядом. – Всё даже хуже, чем я думал. Парень, тебе нужно пресс подкачать.

– Спасибо, – вздохнул я. – Какая свежая мысль.

– Я бы мог привести тебя в форму, – задумчиво проговорил он. – Но сначала помогите мне определиться. Осколочные мины натяжного действия? Противопехотные мины «Клеймор»? Что думаете?

– Я думал, ты пошел за припасами для лагеря.

Глисон удивленно изогнул бровь:

– Это и есть припасы для лагеря. Если мне с женой и ребенком придется жить чуть ли не на улице, ютиться в этой Цистерне, я хочу быть уверен, что вооружен до зубов и окружен минами нажимного действия! Мне надо семью защищать!

– Но... – Я посмотрел на Гроувера, который покачал головой, словно говоря: «Даже не пытайся».

Тут, дорогой читатель, ты, возможно, удивился: «Аполлон, почему ты против? Глисон Хедж прав! Зачем возиться с мечами и луками, если можно убивать чудовищ с помощью наземных мин и пулеметов?»

Увы, когда нужно противостоять древним силам, современное оружие действует в лучшем случае ненадежно. Когда происходит нечто сверхъестественное, механизмы современных человеческих пистолетов и бомб дают сбой. Взрывчатка может оказаться действенной, а может и вовсе бесполезной, обычные боеприпасы, скорее всего, только разозлят монстров еще больше. Кое-кто из героев, правда, пользуется огнестрельным оружием – вот только сна-

ряды для него должны быть изготовлены из магического металла: небесной бронзы, имперского золота, стигийской стали и так далее.

К несчастью, такие материалы довольно редки. Магические пули вещь капризная. Один выстрел – и они самоуничтожаются, а вот меч, выкованный из волшебного металла, прослужит тысячи лет. Так что атаковать горгону или гидру беспорядочными пулеметными очередями просто-напросто непрактично.

– Думаю, ты уже набрал достаточно всяких припасов, – сказал я. – Да и Мелли волнуется. Тебя не было целый день.

– Да я же совсем недолго! – возразил Хедж. – Постой-ка. А который час?

– Уже стемнело, – ответил Гроувер.

Тренер Хедж удивленно заморгал:

– Серьезно?! Твою же шайбу! Наверное, я слишком долго выбирал гранаты. Что ж, ладно. Думаю...

– Прошу прощения... – раздался голос у меня за спиной.

Кто-то тоненько взвизгнул – может, это был Гроувер. Или я – кто теперь разберет? Обернувшись, я увидел, что к нам незаметно подкрался лысый верзила из будки управляющего. Даже не знаю, как ему это удалось – ведь в нем было метра два роста и весил он, наверное, за сто тридцать килограммов. С ним были два работника зала, которые равнодушно смотрели в пустоту, зажав в руках этикет-пистолеты.

Менеджер улыбнулся, подняв косматые брови и обнажив зубы, переливающиеся всеми цветами мрамора для могильных плит.

– Извините за беспокойство, – сказал он. – К нам не часто заходят знаменитости, так что я... я должен удостовериться. Вы ведь Аполлон? То есть... тот самый Аполлон?

Похоже, он спал и видел, как бы встретиться со мной. Я взглянул на своих друзей-сатиров. Глисон кивнул. Гроувер отрицательно замотал головой.

– А если бы я и впрямь оказался Аполлоном?

– О, тогда все покупки за наш счет! – воскликнул менеджер. – И мы бы расстелили красную ковровую дорожку!

Это было подлю. Я всегда питал слабость к красным дорожкам.

– В таком случае – да, – подтвердил я. – Я Аполлон.

Менеджер взвизгнул – примерно так же завизжал Эриманфский вепрь, когда я всадил стрелу ему в крестец.

– Так и знал! Я ваш большой поклонник! Меня зовут Макро. Добро пожаловать в мой магазин! – Он взглянул на своих работников: – Принесите красный ковер, чтобы мы закатали в него Аполлона. Но сначала обеспечим быструю и безболезненную смерть сатирам. Какая честь!

Работники подняли этикет-пистолеты, чтобы пометить нас как товары для распродажи.

– Стойте! – завопил я.

Работники замешкались. Они были совсем близко, и я заметил, что они похожи: одинаковые сальные темные космы, одинаковые стеклянные глаза, одинаковые неестественные позы. Может, это были близнецы, а может – у меня промелькнула жуткая мысль, – они просто сошли с одного конвейера.

– Я... хм... э-э... – сказал я, блистая красноречием даже перед лицом смерти. – А если я не Аполлон?

Улыбка Макро слегка потускнела:

– Что ж, тогда придется убить тебя за то, что ты меня разочаровал.

– Ладно, я Аполлон, – согласился я. – Но нельзя же убивать своих покупателей. Владельцы военных магазинов так не поступают!

За моей спиной Гроувер боролся с тренером Хеджем, который отчаянно пытался голыми руками вскрыть семейную упаковку гранат, склоняя на все лады защитную упаковку.

Макро прижал к груди мясистые руки:

– Я знаю, это ужасно грубо. Примите мои извинения, Владыка Аполлон!

– Значит... ты нас не убьешь?

– Как я уже сказал, я не убью *вас*. У императора на вас свои планы. Вы нужны ему живым!

– Планы, – повторил я.

Терпеть не могу планов. Они напоминают мне о всяких неприятных вещах вроде жутко опасных атак и тех собраний, которые Зевс проводил раз в столетие, чтобы наметить наши цели на будущее. И еще об Афине.

– Н-но друзья мои, – забормотал я. – Вы не можете убить сатиров. Ведь бога такого статуса, как я, просто нельзя закатывать в красный ковер без свиты!

Макро посмотрел на сатиров, которые все еще вырывали друг у друга запакованные гранаты.

– Хм, – сказал менеджер. – Простите, Владыка Аполлон, но, видите ли, это, вероятно, мой единственный шанс вернуть себе расположение императора. И я уверен, что сатиры ему не нужны.

– Хочешь сказать... что ты впал в немилость?

Макро вздохнул. И начал закатывать рукава, словно готовясь к трудной и неприятной работе – например, убийству сатиров.

– Боюсь, что так. Сам я точно не просил, чтобы меня изгоняли в Палм-Спрингс! Увы, принцепс очень серьезно относится к службе безопасности. Мои войска слишком часто выходили из строя, и он отправил нас сюда. А вместо нас теперь эти жуткие стриксы, наемники и ушастые. Представляете?

Я не то что не представлял – я вообще не понимал, о чем он говорит. Ушастые?!

Я снова взглянул на двух работников: они по-прежнему стояли на месте, подняв этикет-пистолеты, глазели в пустоту, а лица их оставались такими же бесстрастными.

– Они автоматы! – догадался я. – Это бывшие императорские воины?

– К несчастью, да, – ответил Макро. – Но они полностью боеспособны. Когда я доставлю вас императору, он наверняка поймет это и простит меня.

Он успел закатать рукава до локтей, и я увидел старые белые шрамы, словно его руки много лет назад расцарапала несчастная жертва...

Я вспомнил сон об императорском дворце, претора, преклонившего колени перед новым императором.

Слишком поздно я вспомнил имя этого претора:

– Невий Суторий Макрон²¹.

Макрон улыбнулся своим роботам:

– Ушам своим не верю: Аполлон меня помнит! Какая честь!

Но роботы не выразили никакого восторга.

– Ты убил императора Тиберия, – сказал я. – Задушил подушкой.

Мои слова, похоже, смутили Макрона:

– Ну, он был уже практически мертв. Я просто ускорил дело.

– И ты сделал это для... – ледяное буррито, слепленное из ужаса, упало мне в желудок, – нового императора. Neos Helios. Так это он.

Макрон горячо закивал:

– Именно! Несравненный Гай Юлий Цезарь Август Германик! – Он развел руки в стороны, словно ожидая аплодисментов.

Сатиры прекратили драку. Хедж все еще жевал пачку с гранатами, но даже сатиру такой толстый пластик оказался не по зубам.

²¹ Макро – римская форма имени Макрон.

Гроувер попятился, преградив работникам магазина путь тележкой:

– Г-гай кто? – Он взглянул на меня: – Аполлон, что это значит?

Я нервно сглотнул:

– Это значит пора бежать. Сейчас же!

8

*Взорвали кой-чего
Как, ничего не осталось?
Мы нашли что взорвать*

Уж что-что, а делать ноги сатиры обычно мастера.

Только вот Глисон Хедж не был обычным сатиром. Он выхватил из тележки ершик для оружия и с воплем «СДОХНИ!» бросился на тяжеловеса-менеджера.

От неожиданности замерли все – даже автоматы, – что, скорее всего, и спасло жизнь Хеджу. Я схватил сатира за шиворот и потащил его назад в тот самый момент, когда работники магазина открыли огонь и над нашими головами засвистели ярко-оранжевые ценники со скидками.

Пока я волок Хеджа вдоль стеллажей, он умудрился яростным пинком швырнуть тележку прямо под ноги врагам. И тут же стикер этикет-пистолета задел мою руку: было больно, будто меня ударила разъяренная титанида.

– Осторожно! – заорал Макрон своим слугам. – Мне нужен целый Аполлон, а не пятьдесят процентов от него!

Глисон уцепился за полку, схватил выставленный на ней образец макроновского самовоспламеняющегося «коктейля Молотова™» («КУПИ ОДИН – ПОЛУЧИ ДВА В ПОДАРОК!») и с боевым кличем «Подавитесь!» бросил его в наших преследователей.

Макрон взвизгнул, когда «коктейль Молотова» упал прямо в кучу коробок с боеприпасами, высыпавшихся из тележки Хеджа, и – реклама не обманула – тут же загорелся.

– Наверх – и дёру!

Хедж схватил меня за талию, закинул к себе на плечо, как мешок с футбольными мячами, и, с ловкостью горного козла перепрыгивая с полки на полку, взобрался на самый верх стеллажа, а затем перескочил на другой ряд – и в ту же минуту позади нас взорвались ящики с патронами.

Мы приземлились на кучу свернутых спальных мешков.

– Шевелись! – крикнул Хедж, как будто я бы сам не догадался.

Я ковылял за ним, в ушах звенело. В секции, из которой мы выбрались, раздавались грохот и вопли, словно Макрону пришлось бежать по раскаленной сковородке, усыпанной кукурузными зёрнами.

Гроувер куда-то запропастился.

Добежав до конца ряда, мы напоролась на очередного консультанта с этикет-пистолетом.

– Ки-я! – Хедж ударил его ногой.

Боковой удар ногой вообще штука трудная. Даже Арес, бывало, падал и ломал копчик, когда, тренируясь, выполнял его у себя в додзё²² (зацените видео «Арес-лузер»: в прошлом году этот ролик стал вирусным на Олимпе – и нет, выложил его в Сеть вовсе не я).

К моему удивлению, тренер Хедж исполнил прием мастерски. Он ударил продавца копытом по лицу и начисто снес ему голову. Безголовый автоматон рухнул на колени и упал навзничь, в шее у него искрились провода.

– Ого! – восхитился Глисон, разглядывая копыто. – Похоже, воск для копыт «Железный козел» и правда работает!

²² Додзё – зал для занятий боевыми искусствами.

Взглянув на обезглавленного консультанта, я вспомнил о блеммиях из Индианаполиса, которые теряли головы с завидным постоянством, но времени углубляться в воспоминания об ужасах прошлого не было – нужно было разбираться с ужасами настоящего.

Позади нас раздался голос Макрона:

– Ну, что вы теперь натворили?

Менеджер, с ног до головы перемазанный копотью, стоял в дальнем конце ряда, на его желтой жилетке было столько дырок, что она напоминала дымящийся кусок швейцарского сыра. Но похоже – такой уж я везучий, – он не пострадал. За его спиной виднелся еще один консультант, не обращающий никакого внимания на то, что его железная голова горит.

– Аполлон, – недовольно проговорил Макрон, – нет смысла драться с моими автоматами. Это же военный магазин-склад. У меня в подсобке еще пятьдесят таких же.

Я посмотрел на Хеджа:

– Давай-ка выбираться отсюда.

– Ага. – Хедж схватил с ближайшей полки крокетный молоток. – Пятьдесят – это даже для меня многовато.

Обогнув отдел с палатками, мы принялись петлять по «Хоккейному раю», пытаюсь добраться до выхода. Где-то за стеллажами Макрон кричал:

– Взять их! Не желаю, чтобы меня снова заставили покончить с собой!

– Снова? – пробормотал Хедж, ныряя под руку манекена-хоккеиста.

– Он служил императору, – тяжело дыша и едва поспевая за ним, объяснил я. – Были старыми друзьями. Но – ффух! – император ему не доверял. Приказал арестовать его – ффух! – и казнить.

Мы остановились в конце ряда. Глисон заглянул за угол, высматривая противников.

– И что, поэтому Макрон покончил с собой? – спросил Хедж. – Вот болван! Зачем же он снова служит этому императору, если тот велел его убить?

Я вытер пот, заливающий мне глаза. Серьезно, почему тела смертных так сильно потеют?

– Думаю, император вернул его к жизни, дал ему второй шанс. У римлян странные представления о преданности.

Хедж крякнул:

– Кстати, о преданности: а где Гроувер?

– Если он не идиот, то на полпути к Цистерне.

– Не, – нахмурился Хедж. – Не верю, что он бы так поступил. Что ж... – Он указал вперед, где за стеклянными раздвижными дверями виднелась автостоянка. Желтый «Пинто» тренера стоял в соблазнительной близости – полагаю, слова «желтый», «Пинто» и «соблазнительный» впервые оказались в одном предложении. – Готов?

Мы бросились к дверям.

Но двери не поддались. Я врезался в стекло и тут же отскочил. Глисон попытался разбить дверь крокетным молотком, испробовал пару ударов Чака Норриса, но даже намазанные «Железным козлом» копыта не оставили на стекле ни царапины.

– Вот это да! – раздался позади голос Макрона.

Я обернулся, стараясь не заскулить. Управляющий стоял в двадцати футах от нас под повешенной к потолку надувной лодкой, на носу у которой красовалась надпись «ОКУНИСЬ В СКИДКИ!». Я начинал понимать, почему император приказал взять Макрона под стражу и казнить. Несмотря на внушительные размеры, у него был настоящий талант незаметно подкрадываться к людям.

– Это стекло выдержит даже взрыв бомбы, – сказал Макрон. – Продается у нас в отделе совершенствования противорадиационных укрытий – только вряд ли вам это поможет.

Из-за стеллажей появились консультанты в желтых жилетках и направились к нам: десяток одинаковых автоматов, некоторые из них были замотаны в пузырчатую пленку, будто

только что выбрались из подсобки. Они подошли ближе и встали неровным полукругом за спиной Макрона.

Я натянул лук и выстрелил в Макрона, но у меня так сильно дрожали руки, что стрела пролетела мимо цели и со звучным «хлоп!» угодила прямо в лоб завернутому в пленку автомату. Робот, похоже, этого даже не заметил.

– Хмм, – скривился Макрон. – А ты и правда смертный. Видно, правильно говорят: «Не встречайся с богами. Тебя ждет разочарование». Надеюсь, того, что от тебя осталось, хватит волшебной подружке императора для работы.

– Т-того, что от м-меня осталось? – запинаясь, переспросил я. – В-волшебной п-подруге?

Я ожидал от Глисона Хеджа чего-нибудь хитроумного и героического. Наверняка в карманах его шорт припрятана мини-базука. Или, может, свисток у него волшебный. Но при взгляде на Хеджа стало ясно, что он растерян и подавлен не меньше моего. Но так нечестно! Быть растерянным и подавленным – моя прерогатива.

Макрон хрустнул костяшками:

– Обидно конечно. Моя преданность куда больше, чем ее, но жаловаться мне не стоит. Когда я приведу вас к императору, меня ждет награда! Моим автоматам дадут второй шанс, они станут личными стражниками императора! А что потом, мне неинтересно. Пусть чародейка забирает тебя в Лабиринт и колдует!

– К-колдует?

Хедж поднял крокетный молоток.

– Уложу скольких смогу, – прошептал он мне. – Найди другой выход.

Я оценил его порыв. К несчастью, я сомневался, что сатир сможет выиграть для меня много времени. К тому же мне совсем не хотелось возвращаться к той доброй, страдающей от недосыпа облачной нимфе Мелли с новостями о том, что ее мужа убили завернутые в пузырчатую пленку роботы. Ох, из меня так и лезла эта чуткость смертного!

– Кто эта чародейка? – спросил я. – И что... что она собирается со мной сделать?

Губы Макрона растянулись в холодной фальшивой улыбке. Я и сам в былые времена частенько так улыбался, когда жители какого-нибудь греческого города молили меня о спасении от чумы, а мне приходилось сообщать им: «Ой, простите, я наслал на вас чуму, потому что вы мне не нравитесь. Хорошего дня!»

– Скоро узнаешь, – пообещал Макрон. – Когда она сказала, что ты сам придешь к нам в ловушку, я не поверил – но вот ты здесь. Она предвидела, что тебе не справиться с Горящим Лабиринтом. Ну что ж. Группа «Военного безумия», убейте сатиров и задержите бывшего бога!

Автоматы двинулись вперед.

В тот же миг я заметил красновато-зеленовато-коричневое пятно под потолком – тень, похожая на сатира, прыгнула с ближайшего стеллажа, зацепилась за светильник и влетела прямо в надувную лодку, подвешенную над головой Макрона.

Не успел я крикнуть «Гроувер Ундервуд!», как лодка обрушилась на головы Макрона и его слуг, окунув их в скидки по-настоящему. Гроувер выскочил из лодки с веслом в руках и завопил:

– Быстрее!

Поднятая им суматоха дала нам пару мгновений, но двери были заперты и бежать можно было лишь в глубь магазина.

– Отлично сработано! – хлопнул Хедж Гроувера по спине, когда мы неслись по отделу с камуфляжной одеждой. – Я знал, что ты нас не бросишь!

– Да, вот только тут вообще ничего природного нет, – пожаловался Гроувер. – Ни растений. Ни земли. Ни естественного света. Как нам сражаться в таких условиях?!

– Пушки! – предложил Хедж.

– В том отделе пожар, – сказал Гроувер, – скажите спасибо «коктейлю Молотова» и коробкам с боеприпасами.

– Проклятье! – выругался тренер.

Когда на пути нам попался стенд с товарами для боевых искусств, глаза Хеджа загорелись. Он быстро сменил крокетный молоток на нунчаки:

– Другое дело! Ребята, вы что хотите: сюрикэны или кусаригама?

– Я хочу смотаться отсюда! – ответил Гроувер, потрясая веслом. – Тренер, хватит планировать атаку! Ведь у вас семья!

– Думаешь, я не знаю?! – зарычал тренер. – Мы пытались жить мирной жизнью у Маклинов в Лос-Анджелесе. И посмотри, что из этого вышло.

Я понял, что уехать из Лос-Анджелеса их заставили серьезные обстоятельства, и не зря Хедж говорит об этом с такой горечью, но пока мы бежали от врагов по военному магазину, задавать вопросы было не с руки.

– Давайте поищем другой выход, – предложил я. – Поспорим об оружии ниндзя на бегу. Такой компромисс, похоже, устроил их обоих.

Мы промчались мимо надувных бассейнов (они-то как затесались среди военных товаров?), завернули за угол и увидели впереди – в дальнем углу магазина – двустворчатые двери с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА».

Гроувер и Хедж припустили вперед, а я бежал следом, задыхаясь и едва за ними поспевая. Где-то рядом загремел голос Макрона:

– Тебе не уйти, Аполлон! Я уже позвонил Коню. Он с минуты на минуту будет здесь! Коню?!

Почему это слово отозвалось в моем теле жутким си-мажорным аккордом? Я пытался найти ответ в своих смутных воспоминаниях, но ничего не вышло.

Первое, о чем я подумал: может быть, «Конь» – это такой псевдоним? Вдруг императору служит какой-нибудь злой борец в черном атласном плаще, блестящих шортах из спандекса и шлеме в виде конской головы?

Затем я подумал: а почему это Макрон может позвонить и вызвать подкрепление, а я не могу? Средства коммуникации, которыми пользуются полубоги, уже который месяц глушили магией. Телефоны ломались от короткого замыкания. Компьютеры плавилась. Почта Ириды и волшебные свитки не работали. Однако нашим врагам ничего не стоило кинуть друг другу эсэмэску вроде «Аполлон у меня. Ты где? Помоги его прихлопнуть!».

Это было несправедливо.

А справедливо было бы вернуть мне силу бессмертного, чтобы я разорвал наших врагов на мелкие кусочки.

Добравшись до двери с табличной «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА», мы бросились внутрь и оказались в подсобке, соединенной с погрузочной площадкой. Комната была заполнена автоматами в пузырчатой пленке, которые стояли молча и неподвижно, как толпа, собравшаяся на новоселье Гестии. (Она, конечно, богиня домашнего очага, но организовывать вечеринки совсем не умеет.)

Глисон и Гроувер, не обращая внимания на роботов, кинулись к рулонной двери, закрывающей выход на площадку, и потянули ее вверх.

– Заперто. – Хедж вдарил по двери нунчаками.

Я выглянул в зал через крохотное пластиковое окошко на дверях служебного входа. Макрон и его слуги мчались к нам.

– Бежим или остаемся тут? – спросил я. – Нас сейчас снова загонят в угол.

– Аполлон, твой ход! – гаркнул Хедж.

– Ты о чем?

– Какие козыри у тебя в рукаве? Я бросил «коктейль Молотова». Гроувер свалил на них лодку. Теперь твоя очередь. Может, божественный огонь? Было бы очень кстати.

– Нет у меня в рукаве никакого божественного огня!

– Остаемся, – решил Гроувер и бросил мне весло. – Аполлон, запри двери.

– Но...

– Просто не впускай сюда Макрона!

Гроувер, видимо, взял у Мэг пару уроков уверенности в себе. Я тут же подчинился.

– Тренер, – продолжал Гроувер, – сможешь сыграть открывающую песню для двери на площадку?

Хедж крикнул:

– Сто лет такого не играл, но попробую. А ты что будешь делать?

Гроувер посмотрел на выключенных автоматов:

– Кое-что, чему научился у своей подруги Аннабет. За дело!

Я подставил весло под ручки дверей, а затем подтащил ко входу шест для тетербола²³ и подпер им двери. Хедж схватился за свисток и начал насвистывать «Артиста эстрады» Скотта Джоплина²⁴. Вот уж не думал, что свисток может быть музыкальным инструментом. И выступление тренера Хеджа меня в этом тоже не убедило.

Тем временем Гроувер сорвал пленку с ближайшего автомата. Он стукнул костяшками по лбу робота, и раздался глухой звон.

– Отлично, небесная бронза, – заключил Гроувер. – Должно сработать!

– Что ты задумал? – спросил я. – Перековать их на оружие?

– Нет, включить их и заставить выполнять наши приказы.

– Они не станут помогать нам! Они же собственность Макрона!

Кстати, о преторе: Макрон как раз пытался выломать дверь, так что весло и шест для тетербола грохотали на всю подсобку.

– Брось, Аполлон! Прекрати усложнять мне жизнь!

Гроувер освободил от пузырчатой пленки второго автомата.

– Во время битвы за Манхэттен, – сказал сатир, – когда мы сражались с Кроносом, Аннабет рассказала нам, как можно обойти программы автоматов.

– Это касается только памятников на Манхэттене! – возразил я. – Каждый мало-мальский бог это знает! Думаешь, эти истуканы станут тебе служить, услышав последовательность команд «Дедал двадцать три»?!

Вдруг словно в одной из жутких серий «Доктора Кто» завернутые в пленку автоматы встали по стойке «смирно» и повернули лица ко мне.

– Есть! – радостно воскликнул Гроувер.

А вот мне было не до веселья. Я только что активировал кучу железных продавцов, которые должны были броситься на меня, а не выполнять мои приказы. Я понятия не имел, откуда Аннабет узнала, что команды Дедала действуют на любого автомата. Впрочем, после ее реконструкции у меня во дворце на Олимпе теперь прекрасная акустика и система «звук вокруг» в ванной, так что не стоит удивляться ее сообразительности.

Тренер Хедж продолжал свистеть рэгтайм Скотта Джоплина. Но дверь не реагировала. Макрон и его роботы так напирала на мою самодельную баррикаду, что шест для тетербола едва не выскакивал у меня из рук.

– Аполлон, скажи что-нибудь автоматам! – велел Гроувер. – Теперь они ждут твоих приказов. Скажи: «Выполнять план «Фермопилы»!»

²³ Тетербол – игра, в которой участники бьют по мячу, привязанному к шесту веревкой, и стараются как можно сильнее закрутить веревку вокруг шеста.

²⁴ Скотт Джоплин – афроамериканский пианист, композитор, автор рэгтаймов, самый известный из которых – «Артист эстрады» (англ. The Entertainer).

Не люблю, когда мне напоминают о Фермопилах. Много смелых прекрасных спартанцев пало в той битве, защищая Грецию от персов. Но я сделал, как было велено:

– Выполнять план «Фермопилы»!

В это мгновение весло и шест для тетербола отлетели в сторону, а меня швырнуло прямо в толпу новых металлических друзей.

Макрон с двенадцатью слугами ворвались в комнату. Он встал передо мной, с каждой стороны его прикрывали шесть роботов.

– Это еще что такое?! Аполлон, ты не можешь активировать моих автоматов. Ты за них не заплатил! Группа «Военного безумия», хватайте Аполлона! Разорвите сатиров! И заткните этого мерзкого свистуна!

От мгновенной смерти нас спасло два обстоятельства. Первое: Макрон допустил ошибку, когда дал автоматам столько приказов сразу. Любой маэстро подтвердит: дирижеру нельзя одновременно велеть скрипкам ускорить темп, литаврам ударять не так громко, а духовым играть крещендо. Иначе выйдет настоящая симфоническая катастрофа. Бедные солдаты Макрона должны были сами решить, с чего им начать: хватать меня, разорвать сатиров или заткнуть «свистуна». (Я бы на их месте с удовольствием разобрался со свистуном.)

Каково было второе обстоятельство? Вместо того чтобы слушаться приказов Макрона, наши новые друзья-консультанты приступили к выполнению плана «Фермопилы». Они пошли вперед, взялись за руки, окружив Макрона и его слуг, которые неловко пытались обойти своих собратьев-роботов и в замешательстве наткнулись друг на друга. (Эта сцена вновь напомнила мне новоселье у Гестии.)

– Прекратите! – верещал Макрон. – Приказываю вам прекратить!

Но он сделал только хуже. Автоматы, слушающиеся Макрона, замерли, и Дедаловы ребята быстро взяли отряд Макрона в плотное кольцо.

– Да не вы! – крикнул Макрон слугам. – Вы-то не останавливайтесь! В бой!

Но это ему не особенно помогло.

Дедаловы ребята окружили своих братьев и сжали их в крепком объятии. Несмотря на внушительные размеры и силу, Макрон оказался зажат в середине, и ему оставалось лишь без толку извиваться и толкаться.

– Нет! Не могу... – Он выплюнул кусок пузырячатой пленки. – На помощь! Нельзя, чтобы Конь видел меня в таком положении!

Внутри у Дедаловых ребят что-то загудело, будто мотор дал сбой. Из щелей между их шеями и телами появился дым.

Как и всякий разумный человек, увидев, что роботы задымелись, я отступил назад:

– Гроувер, а в чем суть плана «Фермопилы»?

Сатир судорожно сглотнул:

– Ну, они должны оставаться на позиции, чтобы мы успели отступить.

– Чего же они тогда дымятся? – спросил я. – И почему начали светиться красным?

– О нет, – Гроувер закусил нижнюю губу. – Они, наверное, перепутали план «Фермопилы» с планом «Питерсберг».

– А это значит...

– Возможно, они хотят пожертвовать собой, устроив мощнейший взрыв.

– Тренер! – завопил я. – Свисти громче!

Я бросился к двери, подцепил ее пальцами снизу и потянул вверх изо всех своих жалких человеческих сил. Начал неистово насвистывать вместе с Хеджем. И даже принялся отбивать чечетку – ведь всем известно, что она усиливает действие музыкальных заклинаний.

Позади нас Макрон визжал:

– Горячо! Горячо!

Одежда на мне стала неприятно теплой, как бывает, когда сидишь слишком близко к костру. После встречи с огненной стеной в Лабиринте мне совсем не хотелось попасть в крепкие объятия автоматов или пасть жертвой взрыва в этой комнатухе.

– Тяни! – вопил я. – Свисти!

Гроувер присоединился к нашему отчаянному свисту в стиле Джоплина. Наконец дверь поддалась и, возмущенно заскрипев, поднялась на несколько дюймов над полом.

Крики Макрона стали совсем нечленораздельными. Шум и жар напомнили мне о тех мгновениях, когда солнечная колесница готова была сорваться с места и взмыть в небеса, знаменуя величие и силу солнца.

– Быстро! – крикнул я сатирам. – Вы, оба, наружу!

По-моему, это был весьма героический поступок, хотя, если честно, я очень надеялся, что они возразят: «О нет, что ты! Боги вперед!»

Ничего подобного. Сатиры пролезли под дверью и стали придерживать ее, пока я старался протиснуться в узкую щель. К несчастью, я попал в безвыходное положение – а все из-за треклятого жирка на талии. Короче говоря, я застрял.

– Аполлон, скорее! – вопил Гроувер.

– Я пытаюсь!

– Втяни бока, парень! – заорал Хедж.

У меня никогда не было личного тренера. Богам не нужно, чтобы на них кричали и стыдили их, заставляя что-то сделать. И, будем честны, вряд ли кто-то согласится на такую работу, зная, что его шандарахнет молнией, рискни он надавить на клиента, которому лень сделать пять лишних отжиманий.

Но на этот раз я был даже рад, что на меня накричали. Вопли тренера послужили хорошим стимулом – и мне наконец удалось вытолкнуть свое дряблое смертное тело из-под двери.

Едва я встал на ноги, как Гроувер заорал:

– Вниз!

Мы спрыгнули с погрузочной площадки, и стальная дверь, которая явно уступала по крепости стеклянным дверям на входе, взорвалась позади нас.

9

*Звонок за ваш счет
От Коня. Принять?
Не-е-е-е*

Вот мерзость!

Ну почему, объясните мне, я постоянно оказываюсь в мусорном баке?!

Правда, надо признать, что на этот раз мусорный бак спас мне жизнь. Несколько взрывов, прогремевших в «Военном безумии Макро», сотрясли пустыню так, что крышки вонючего железного ящика, в котором мы оказались, захлопотали у нас над головами. Потные, дрожащие, мы едва дышали и, съжившись среди мешков с мусором, слушали, как по баку стучат падающие обломки – снаружи бушевал настоящий ливень из кусков дерева, штукатурки, стекла и спортивного инвентаря.

Целую вечность спустя, когда я наконец собрался сказать что-то вроде «Вытащите меня отсюда!» или «Меня сейчас стошнит», Гроувер зажал мне рот рукой. В темноте его было почти не видно, но я заметил, что он яростно мотает головой и смотрит на меня круглыми глазами, словно предупреждая об опасности. Тренер Хедж тоже напрягся. Ноздри у него трепетали, будто он учуял нечто похуже, чем мусор.

А потом я услышал, как по асфальту зацокали копыта: кто-то приближался к нашему укрытию.

Раздался низкий голос:

– Ну вот, просто отлично.

Какое-то животное обнюхало край нашего бака, вероятно пытаясь учуять выживших. То есть нас.

Я, как мог, старался не расплакаться и не намочить штаны. Кое-что из этого мне все-таки удалось. Сами догадайтесь, что именно.

Крышки бака остались закрытыми. Наверное, мусорная вонь и дым от горящего склада скрыли наш запах.

– Большой К? – проговорил тот же голос.

– Да. Это я.

Так как я не слышал того, кто ему отвечал, я решил, что незнакомец говорит по телефону.

– Не, тут все разнесено в хлам. Не знаю. Макрон, наверное... – Он замолчал: видимо, его собеседник выдал гневную тираду. – Знаю, – сказал незнакомец. – Может быть, ложная тревога, но... Чтoб его! Полиция смертных!

Стоило ему это сказать, как вдалеке послышались звуки сирены.

– Может, мне тут все прочесать? – предложил незнакомец. – Проверить руины на холме?

Хедж и Гроувер встревоженно переглянулись. Речь явно шла о нашем убежище, где сейчас находились Мелли, малыш Хедж и Мэг.

– Знаю, ты считаешь, что уже принял меры, – сказал незнакомец. – Но слушай, опасаясь я этого места. Да говорю же тебе...

На этот раз я различил слабый голосок того, кто разорвался на том конце провода.

– Хорошо, К, – согласился неизвестный. – Да. Юпитеров комбез, да успокойся ты! Я просто... Ладно. Ладно. Возвращаюсь.

По тому, как он раздраженно вздохнул, я понял, что разговор окончен.

– Парень доведет меня до коллик, – громко проворчал незнакомец.

Что-то ударилось о стенку мусорного бака прямо у моего лица. И некто, цокая, ускакал прочь.

Прошло несколько минут, прежде чем я осмелился пошевелиться и посмотреть на сатиров. Все молча согласилось, что нужно выбираться из мусорки, пока мы не умерли от удушья, теплового удара и вони моих штанов.

Снаружи все было усыпано дымящимися кусками покореженного металла и пластика. Магазин-склад представлял собой обугленную коробку, и в нем все еще бушевало пламя, от которого в ночное закопченное небо столбом поднимался дым.

– К-кто это был? – спросил Гроувер. – По запаху вроде всадник, но...

Гремя нунчаками, тренер Хедж предположил:

– Может, кентавр?

– Нет. – Я положил руку на помятый железный бак, на боку которого красовался четкий отпечаток подкованного копыта. – Это был конь. Говорящий конь.

Сатиры уставились на меня.

– Все кони умеют говорить, – сказал Гроувер. – Просто они говорят по-лошадиному.

– Погоди. – Хедж, нахмурившись, посмотрел на меня. – Хочешь сказать, ты понял, о чем он говорил?

– Да, – подтвердил я. – Этот конь говорил по-английски.

Они ждали моих объяснений, но я не мог выдавить из себя ни слова. Теперь, когда опасность миновала и уровень адреналина у меня в крови понижался, меня захлестнуло холодное и тяжелое отчаяние. Если у меня и теплилась надежда на то, что я ошибаюсь насчет личности нашего нового врага, теперь от нее не осталось и мокрого места.

Гай Юлий Цезарь Август Германик... как ни странно, это имя носили несколько известных древнеримских императоров. Но повелитель Невия Сутория Макрона? Большой К? Neos Helios? Единственный римский император, владеющий говорящим конем? Это мог быть только один человек. Ужасный человек.

За листьями растущих поблизости пальм засверкали мигалки полицейских автомобилей и машин «Скорой помощи».

– Нужно уходить, – сказал я.

Глисон взглянул на разрушенный магазин:

– Да. Подойдем ко входу, посмотрим, уцелела ли моя машина. Жалко, что никаких припасов для лагеря у нас теперь нет.

– У нас есть кое-что похуже. – Я судорожно вздохнул. – Имя третьего императора.

После взрыва на желтом «Форде Пинто» 1979 года выпуска не осталось ни царапины. Ну еще бы. Такую ужасную машину может уничтожить разве что апокалипсис. Я сидел сзади в новых ярко-розовых камуфляжных штанах, которые мы подобрали среди обломков, и был в таком ступоре, что едва заметил, как мы подъехали к «Энчиладас дель Рей» и закупили кучу наборов комбо – хватило бы, чтобы накормить целую ораву природных духов.

Вернувшись к руинам на холме, мы собрали совет кактусов.

Столпившиеся в Цистерне дриады пустынных растений – Дерево Джошуа, Колючая Груша, Алоэ Вера и многие другие – старались не поранить друг друга колючками своих нарядов.

Мелли суетилась вокруг Глисона: то осыпала его поцелуями и восхищалась его храбростью, то давала ему тычка и причитала, что он решил оставить ее вдовой и матерью-одиночкой. Малыш, которого, как я узнал, звали Чак, уже проснулся и пребывал не в лучшем настроении: когда Глисон взял его на руки, он принялся пинать отца копытцами в живот и дергать его за бороду пухленькими пальчиками.

– Нет худа без добра, – убеждал жену Хедж. – Зато мы привезли энчилады, и к тому же я раздобыл потрясные нунчаки!

Мелли возвела очи горе, вероятно, желая вернуться к тем прекрасным временам, когда она была незамужней облачной нимфой.

Мэг Маккаффри пришла в себя и выглядела так же, как обычно, разве что немного блестяла после первой помощи, которую оказала ей Алоэ Вера. Мэг сидела на краю прудика, болтала босыми ногами в воде и то и дело поглядывала на стоящего неподалеку в задумчивости Джошуа, который отлично смотрелся в хаки.

Я поинтересовался ее самочувствием – ведь я очень заботливый, – но она лишь отмахнулась, заявив, что с ней все отлично. Думаю, ей просто было неловко при мне пялиться на Джошуа, но, заметив ее влюбленные взгляды, я не мог не закатить глаза.

«Подруга, да с тобой все понятно, – хотелось мне сказать. – У тебя же все на лице написано. Похоже, ты втрескалась в дриаду, поэтому нам надо срочно поговорить».

Однако мне не хотелось, чтобы она заставляла меня отвечать самому себе оплеухи, и я промолчал.

Гроувер раздал всем энчилады. Сам он ничего не ел – а значит, сильно нервничал, – только ходил вокруг пруда, барабанил пальцами по флейте.

– Ребята, – наконец сказал он, – у нас проблемы.

Никогда бы не подумал, что Гроувер Ундервуд может стать настоящим лидером. И все же, когда он заговорил, все остальные духи природы слушали с большим вниманием. Даже малыш Чак притих и повернулся к Гроуверу, словно слушать сатира ему было даже интереснее, чем пинаться.

Гроувер рассказал обо всем, что случилось с момента нашей встречи в Индианаполисе. Он во всех подробностях описал наше путешествие по Лабиринту, упомянув провалы, ядовитые озера, внезапно вспыхнувший огонь, стаю стриксов и спиральный выступ, который привел нас к этим руинам.

Дриады тревожно оглядывались по сторонам, будто опасались, что Цистерну могут вот-вот заполнить демонические совы.

– Ты уверен, что нам ничего не угрожает? – спросила невысокая полная девчонка с приятным акцентом и красными цветами в волосах (может быть, эти цветы росли прямо у нее на голове?).

– Не знаю, Реба. – Гроувер посмотрел на меня и Мэг. – Ребята, это Ребуция, но можно просто Реба. Пересажена из Аргентины.

Я приветливо помахал девочке. Никогда до этого не встречал аргентинских кактусов, но зато я просто обожаю Буэнос-Айрес. Если вам не довелось танцевать танго с греческим богом в «Ла Вентана» – считайте, вы никогда его не танцевали.

– Не думаю, что раньше здесь был выход из Горящего Лабиринта, – продолжал Гроувер. – Сейчас он заблокирован. Мне кажется, Лабиринт решил нам помочь и привел домой.

– Помочь? – Колючая Груша оторвалась от сырной энчилады. – Ты сейчас о том Лабиринте, который своим огнем уничтожает весь штат? О Лабиринте, где мы который месяц безуспешно бродим в поисках источника этого огня? О Лабиринте, в котором сгинуло с десятков наших поисковых отрядов? Что же тогда будет, если Лабиринт решит *не* помогать нам?

Дриады, соглашаясь с ней, зашумели. Некоторые даже оцетинились – в буквальном смысле.

Гроувер поднял руки, призывая всех к спокойствию:

– Да, мы все волнуемся и переживаем. Но Горящий Лабиринт – только часть большого Лабиринта. И теперь мы по крайней мере знаем, зачем император его создал. Он сделал это из-за Аполлона.

Духи кактусов, все как один, уставились на меня.

– Давайте проясним, – едва слышно проговорил я. – Я не виноват. Скажи им, Гроувер. Скажи своим замечательным... колючим друзьям, что я не виноват.

– Вообще-то вроде как виноват, – кашлянув, не согласился тренер Хедж. – Макрон говорил, что Горящий Лабиринт – это ловушка для тебя. Наверное, все дело в этой оракульной штуковине, которую ты ищешь.

Мелли переводила взгляд с мужа на меня и обратно:

– Макрон? Оракульная штука?

Я рассказал о том, что Зевс в качестве наказания заставил меня скитаться по всей стране и освобождать оракулы – а все потому что он ужасный отец.

Хедж поведал всем о наших веселых приключениях в «Военном безумии Макро». Когда он слишком увлекся описанием тамошних наземных мин, его перебил Гроувер.

– Короче, мы взорвали Макрона, – попытожил он, – римлянина, который служил императору. Он говорил о колдунье, которая хочет... ну, не знаю... наложить злые чары на Аполлона, наверное. И она помогает императору. Поэтому мы решили, что они спрятали следующий оракул...

– Эритрейскую Сивиллу, – уточнил я.

– Да, ее, – кивнул Гроувер. – Мы считаем, что ее держат в центре Горящего Лабиринта – используют ее как приманку для Аполлона. А еще у них есть говорящий конь.

Мелли была мрачнее тучи, что вполне нормально для облачной нимфы:

– Все лошади говорят.

Гроувер пересказал все, что мы слышали, сидя в мусорном баке. А потом рассказал, почему мы там оказались. А потом – что я обмочил штаны, и поэтому теперь на мне ярко-розовые камуфляжные брюки.

– О-о-о, – все дриады закивали, словно именно этот вопрос не давал им покоя.

– Может, вернемся к более насущным делам? – взмолился я. – У нас с вами общая цель! Вы хотите погасить подземный огонь. Мне нужно отыскать Эритрейскую Сивиллу. Но чтобы решить обе эти задачи, нужно пробраться в самое сердце Горящего Лабиринта. Там мы найдем источник огня и Сивиллу. Я... я просто знаю, что они там.

Мэг пристально смотрела на меня, будто раздумывала, что бы мне такого приказать, чтобы я вконец опозорился. Прыгнуть в пруд? Обнять Колючую Грушу? Найти подходящую к штанам рубашку?

– Расскажи про этого коня, – наконец сказала она.

Я получил приказ. Деваться было некуда:

– Его зовут Инцитат.

– И он говорит, – подхватила Мэг. – Так, что люди его понимают.

– Да, хотя обычно он говорит только с императором. Только не спрашивай, как он это делает. Или откуда он взялся. Я не знаю. Это волшебный конь. Император ему доверяет, возможно, больше, чем кому-либо. Когда он в древности правил Римом, то одевал Инцитата в пурпур, как сенатора, и даже хотел сделать его консулом. Говорят, император был безумен, но это неправда.

Мэг, ссутулившись, склонилась над водой, словно желая отгородиться от всего. Императоры для нее большая тема. Воспитанная при дворе Нерона (хотя «воспитание» не то слово, правильно было бы упомянуть «ужасное обращение» и «газлайтинг»²⁵), она предала меня в Лагере полукровок, приведя в ловушку Нерона, а потом нашла меня в Индианаполисе – обо всем этом мы никогда толком не говорили. Я ни в чем не виню бедняжку. Честно. Но доказать ей искренность моих дружеских чувств, убедить ее довериться кому-то после всего, что Нерон с ней сделал, было так же сложно, как заставить дикую белку взять угощение с руки. Малейший

²⁵ Газлайтинг – вид психологической манипуляции, задача которой убедить жертву в том, что она неадекватно воспринимает действительность.

шум – и она убежит, или укусит тебя, или и то, и другое. (Я понимаю, что сравнение не вполне адекватное. Мэг кусается куда больше белки.)

Наконец она проговорила:

– В пророчестве была строчка «Владельца белого коня найдет».

Я кивнул:

– Инцитат принадлежит императору. Может, «принадлежит» не совсем верное слово.

Инцитат – это правая рука человека, который считает себя законным правителем запада Соединенных Штатов: Гая Юлия Цезаря Германика.

В этот момент дриады должны были разом вскрикнуть от ужаса, зловещая музыка на фоне тоже не помешала бы. Но единственным зловещим звуком был хруст, с которым малыш Чак грыз пенопластовую крышку, оторванную от коробки с отцовским обедом.

– Этот Гай... Он что, очень известный? – спросила Мэг.

Я перевел взгляд на темный пруд. Лучше бы Мэг приказала мне прыгнуть туда и утопиться. Или заставила меня надеть рубашку в тон к моим ярко-розовым штанам. Я готов был вынести любое наказание, лишь бы не отвечать на этот вопрос.

– Император больше известен под своим детским прозвищем, – сказал я. – И это прозвище он, кстати, терпеть не может. Он вошел в историю как Калигула.

10

*Славный мальши:
Крохотные сапожки
И улыбка маньяка*

Знакомо ли тебе имя «Калигула», дорогой читатель?

Если нет, то ты счастливчик.

У всех дриад в Цистерне колючки встали дыбом. Мелли ниже пояса превратилась в едва заметный туман. Даже малыш Чак чуть не подавился куском пенопласта.

– Калигула?! – у тренера Хеджа задергался глаз, так же как в тот момент, когда Мелли грозила отобрать у него оружие ниндзя. – Ты не ошибся?

Если бы. Мне бы очень хотелось сказать им, что третьим императором оказался милый старина Марк Аврелий, или благородный Адриан, или бедолага Клавдий.

Но Калигула...

Даже у тех, кто мало что знал о нем, имя «Калигула» вызывало в воображении самые страшные, самые порочные картины. Правление этого императора было более кровавым и злодейским, чем времена владычества Нерона, который рос в страхе перед своим свирепым дядей Гаем Юлием Цезарем Германиком.

Калигула – олицетворение убийства, пыток, безумия, бесчинств. Калигула – жуткий тиран, по сравнению с которым меркнут все остальные жуткие тираны в истории. Калигула, у которого репутация была хуже, чем у «Эдсел»²⁶, «Гинденбурга»²⁷ и «Чикаго Блэк Сокс»²⁸ вместе взятых.

Гроувер вздрогнул:

– Мне никогда не нравилось это имя. Что оно вообще значит? Убийца сатиров? Кровопийца?

– Сапожок, – ответил я.

Непослушные оливковые волосы Джошуа встали дыбом, что, по всей видимости, очень впечатлило Мэг.

– Сапожок? – Джошуа оглянулся, вероятно, задумавшись, не прослушал ли он какую-то шутку.

Но никто не смеялся.

– Да.

Я припоминал, каким хорошеньким был маленький Калигула в шитом специально для ребенка облачении легионера, когда он сопровождал своего отца Германика в военных походах. Ну почему в детстве все социопаты – само очарование?!

– Это прозвище он получил в детстве – так его звали отцовские солдаты, – объяснил я. – У него были махонькие легионерские сапожки – калиги, – и воинам казалось это уморительным. Вот его и прозвали Калигулой – Ботиночком, Пинеткой, Сапожком: переводы как нравится.

Колючая Груша вонзила вилку в энчиладу:

– Да наплевать, пусть его зовут хоть Лапуля-Симпампуля. Как нам его победить и вернуться к нормальной жизни?

²⁶ «Эдсел» – дочерняя марка компании «Форд», в 1960-е годы безуспешно пытавшаяся выйти на американский рынок.

²⁷ «Гинденбург» – жесткий дирижабль, созданный в Германии в 1936 году. 6 мая 1937 года при посадке потерпел катастрофу, в результате которой погибло больше 30 человек.

²⁸ Восемь членов бейсбольной команды «Чикаго Блэк Сокс», входящей в Главную лигу бейсбола, которых обвинили в том, что из-за взятки они намеренно привели свою команду к поражению в матче за первенство в Мировой серии 1919 года против «Цинциннати Редс».

Остальные кактусы зашумели и закивали. Я начал подозревать, что колючие груши в мире кактусов – главные подстрекатели. Если их соберется много – оглянуться не успеешь, как они устроят революцию и положат на лопатки все царство животных.

– Нужно действовать осторожно, – предупредил я. – Уж что-что, а заманивать врагов в ловушку Калигула умеет. Знаете старую поговорку «Дай дураку веревку, а он уж найдет где повеситься»? Вот они – методы Калигулы. Ему нравится, что его считают безумцем, но это просто маска. Он вовсе не сумасшедший. Но при этом абсолютно безнравственный, он еще хуже, чем...

Я осекся. Чуть было не сказал «чем Нерон» – но как я мог заявить такое прямо в лицо Мэг, все детство которой было отравлено Нероном и его альтер-эго Зверем!

«Осторожно, Мэг, – говорил ей Нерон. – Веди себя хорошо, иначе разбудишь Зверя. Я люблю тебя всем сердцем, но Зверь... Я очень расстроюсь, если ты выкинешь какой-нибудь номер и навлечешь на себя беду».

Не знаю, можно ли измерить степень его низости и злодейства.

– В общем, – продолжил я, – Калигула умен, терпелив и очень подозрителен. Если Горящий Лабиринт – это какая-то хитроумная ловушка, часть большого плана, то вывести его из строя будет непросто. Даже найти его, не говоря уж о том, чтобы победить, будет весьма затруднительно.

Мне хотелось добавить: «А может, и не стоит его искать. Может, лучше бежать без оглядки».

Но дриадам это было бы не под силу. Они пустили здесь корни – в прямом смысле слова, – они привязаны к земле, на которой растут. Такие, как Реба, тут редкость. Мало кто из духов природы выживет, если растение пересадят в горшок и поместят в новую среду. Даже если все собравшиеся здесь сумеют убежать из Южной Калифорнии и спастись от огня, тысячи других дриад останутся и сгорят.

Гроувер вздрогнул:

– Если хотя бы половина из того, что я слышал о Калигуле, правда... – Он замолчал, видимо, осознав, что все смотрят на него и ждут его реакции, чтобы решить, паниковать им или нет. И мне, например, совсем не хотелось оказаться среди толпы мечущихся и вопящих кактусовых дриад. К счастью, Гроувер сохранял спокойствие. – Непобедимых не существует, – объявил он. – Их нет среди титанов, гигантов или богов и уж тем более среди римских императоров, которых называют Сапожками. Этот гад хочет иссушить и уничтожить Южную Калифорнию. Засуха, жара и огонь – его рук дело. Мы обязаны найти и остановить его. Аполлон, как Калигула умер в первый раз?

Я попытался вспомнить. Как обычно, жесткий диск в моем человеческом мозгу отказывался выдавать информацию, но я смутно припомнил темный туннель, преторианских гвардейцев, которые окружили императора, окровавленные кинжалы у них в руках.

– Был убит собственной стражей, – сказал я, – и поэтому теперь он наверняка стал еще подозрительнее. Макрон говорил, что император постоянно меняет состав личной охраны. Сначала он заменил преторианцев автоматами. Теперь вместо них – наемники, стриксы и... ушастые? Понятия не имею, кто это.

Одна из дриад обиженно фыркнула. Взглянув на ее белые тонкие волосы, белую бороду и большие вытянутые уши, покрытые иголками, я решил, что это Чолла²⁹.

– Ни один приличный обладатель больших ушей не станет служить такому злодею! Какие еще слабости у него есть? Не может быть, чтобы у императора их не было.

– Точно! – согласился тренер Хедж. – Может, он боится козлов?

– Или у него аллергия на кактусы? – с надеждой в голосе спросила Алоэ Вера.

²⁹ Чолла – кактус, растущий в пустынях США и Мексики.

– Насколько я знаю, нет.

Дриады огорчились.

– Вы упомянули пророчество из Индианы, – сказал Джошуа. – Может, в нем есть какая-нибудь подсказка?

Судя по его тону, он сильно сомневался в существовании такой подсказки. И я его не виню. «Пророчество из Индианы» звучит совсем не так солидно, как «Дельфийское пророчество».

– Я должен отыскать «западный дворец», – ответил я. – Наверное, имеется в виду база Калигулы.

– Только никто не знает, где она, – проворчала Груша.

Может, мне просто показалось, но я заметил, как Мелли и Глисон встревоженно переглянулись. Я ждал, что они что-нибудь скажут, но этого не случилось.

– Еще в пророчестве говорится, – продолжал я, – что мне нужно выпустить на волю «загадку». Как я понял, это значит, что я должен освободить Эритрейскую Сивиллу из плена императора.

– Получается, эта Сивилла любит загадки и кроссворды? – спросила Реба. – Я тоже их люблю.

– Этот оракул изрекает пророчества в форме загадок, – объяснил я. – Иногда что-то вроде кроссворда. Или акrostиха. Еще в пророчестве было сказано, что Гроувер приведет нас сюда. И что через несколько дней в Лагере Юпитера произойдет нечто ужасное...

– Новолуние, – прошептала Мэг. – Оно совсем скоро.

– Да, – я постарался не показать своего раздражения.

Мэг, похоже, хотела, чтобы я умел одновременно находиться сразу в двух местах – и это не составило бы никакого труда, будь я богом Аполлоном. А вот смертный по имени Лестер и в одном-то месте выживал с трудом.

– Была еще одна строчка, – вспомнил Гроувер. – «Тот путь, где вражья обувь лишь пройдет». Может, это как-то связано с сапожками Калигулы?

Я представил себе, как пытаюсь втиснуть свои лапы шестнадцатилетки в древнеримскую военную обувь, сшитую для ребенка. У меня даже пальцы на ногах заныли.

– Надеюсь, что нет, – ответил я. – Но я уверен: если мы освободим Сивиллу из Лабиринта, она нам поможет. Хотелось бы получить побольше информации, прежде чем я брошусь сражаться с Калигулой лично.

А вот чего бы мне еще хотелось: вернуть себе божественную силу; собрать все огнестрельное оружие из «Военного безумия Макро» и отдать его армии полубогов; получить от моего отца Зевса письмо, в котором он бы извинился и пообещал никогда больше не превращать меня в человека; ну и еще принять ванну. Но, как говорится, Лестеру выбирать не приходится.

– Итак, мы вернулись к тому, с чего начали, – сказал Джошуа. – Тебе нужно освободить оракула. Нам нужно потушить огонь. Для этого нам всем нужно пройти Горящий Лабиринт, но никто не знает как.

Глисон Хедж прокашлялся:

– Может, кое-кто и знает.

Впервые в истории сатир оказался в центре внимания стольких кактусов.

Чолла погладила пушистую бородку:

– И кто же этот кое-кто?

Хедж посмотрел на жену, словно говоря: «Тебе слово, милая».

Мелли пару мгновений смотрела в небо, вероятно, вспоминая беззаботную молодость, когда она была свободным облачком.

– Многие из вас знают, что мы жили у Маклинов, – сказала она.

– Пайпер Маклин – дочь Афродиты, – пояснил я.

Я помнил ее – она была одной из семи полубогов на борту «Арго II». Кстати, я собирался повидать ее и ее парня, Джейсона Грейса, и спросить, не хотят ли они победить злого императора и освободить оракула вместо меня.

Постойте. Забудьте, что я сказал. Я, конечно же, имел в виду, что попрошу их помочь мне сделать все это.

Мелли кивнула:

– Я работала личным секретарем мистера Маклина. Глисон оставался на хозяйстве и ухаживал за малышом, и, кстати, отлично с этим справлялся...

– Да-да, я такой, – кивнул Глисон, разрешая малышу Чаку погрызть цепь от нунчаков.

– А потом все стало плохо, – вздохнула Мелли.

Мэг Маккаффри склонила голову набок:

– Что случилось?

– Долго рассказывать, – ответила нимфа таким тоном, что подтекст был очевиден: «Если я расскажу, то превращусь в грозовую тучу, залью вас слезами и испепелю молниями». – Главное, что пару недель назад Пайпер приснился сон о Горящем Лабиринте. Она думала, что сможет добраться до его центра. И она отправилась туда с... тем парнем, Джейсоном. – *С тем парнем.* Интуиция, которая наконец заработала, подсказывала мне, что Мелли не очень-то нравятся Джейсон Грейс – сын Юпитера. – Когда они вернулись... – Мелли замолчала, ее нижняя часть закрутилась облачным штопором. – Они сказали, что у них ничего не вышло. Но мне кажется, это не все. По словам Пайпер, внизу они обнаружили нечто... что их потрясло.

Каменные стены Цистерны закрипели и задрожали под воздействием ночной прохлады, и казалось, что так они отвечают на слово «потрясло». Я вспомнил, как мне приснилась Сивилла в оплавленных цепях, которая извинялась перед кем-то за то, что принесла дурные вести: «Мне жаль. Я бы спасла тебя, если б могла. И ее тоже».

С кем она говорила? С Джейсоном? С Пайпер? С ними обоими? Если это так и если они на самом деле нашли оракула...

– Нужно поговорить с этими полубогами, – решил я.

Мелли опустила голову:

– Я не могу отвезти тебя туда. Если вернусь... это разобьет мне сердце.

Хедж переложил малыша Чака на другую руку:

– Может, я...

Мелли выразительно посмотрела на него.

– Да, я тоже не смогу пойти с вами, – пробормотал Хедж.

– Я вас отвезу, – вызвался Гроувер, хотя он был совершенно измотан. – Я знаю, где живут Маклины. Только... э-э... может, подождем до утра?

Дриады явно почувствовали облегчение. Их колючки больше не торчали в разные стороны. Лица снова позеленели от хлорофилла. Может, Гроувер и не решил их проблемы, но он дал им надежду – или по крайней мере ощущение, – что мы можем что-то изменить.

Я смотрел на оранжевое, затянутое дымкой небо над Цистерной. И думал о пожарах, бушующих на западе, и о том, что происходит на севере в Лагере Юпитера. Сидя на дне колодца в Палм-Спрингс, будучи не в силах помочь римским полубогам и даже узнать, что с ними происходит, я понимал, как чувствуют себя дриады, привязанные к месту, вынужденные с отчаянием наблюдать, как пожары подступают все ближе и ближе.

Мне не хотелось лишать дриад надежды, но я почувствовал, что должен их предупредить:

– Это еще не все. Возможно, скоро вам здесь будет уже не спрятаться.

Я пересказал им то, что Инцитат говорил Калигуле по телефону. И нет, я и представить себе не мог, что когда-нибудь буду кому-то пересказывать подслушанный разговор говорящего коня с мертвым римским императором.

Алоэ Вера задрожала, и несколько целебных треугольников упало с ее головы.

– К-как они узнали про Аэйталес? Они сюда никогда даже не совались!

Гроувер поморщился:

– Не знаю, ребята. Но... судя по тому, что говорил конь, именно Калигула давным-давно разрушил это место. Он сказал что-то вроде: «Знаю, ты считаешь, что уже принял меры. Но я опасаясь этого места».

Темное, как древесная кора, лицо Джошуа стало еще темнее:

– Это какая-то бессмыслица. Даже *мы* не знаем, что здесь было.

– Здесь был дом, – сказала Мэг. – Большой дом на сваях. А цилиндры... раньше это были опоры со встроенной системой геотермального охлаждения, через них поступала вода.

Дриады снова ошестинились. Но стояли молча, ожидая, что еще скажет Мэг.

Она поджала мокрые ноги и стала еще больше похожа на испуганную белку, готовую в любой момент ускакать прочь. Я вспомнил, что, едва мы оказались здесь, она порывалась сбежать. Она предупреждала, что здесь может быть опасно. В памяти всплыла еще одна строчка пророчества, о которой мы пока не успели поговорить: «Деметры чадо корни обретет».

– Мэг, – я старался говорить как можно мягче, – откуда ты столько знаешь об этом месте?

В ее взгляде одновременно читались напряжение и вызов, словно она не знала, зарыдать ей или броситься на меня с кулаками.

– Это был мой дом, – ответила она. – Аэйталес построил мой папа.

11

*Руки прочь от бога
Если в памяти жуть
И если руки в грязи*

Нельзя так поступать.

Нельзя заявить, что твой папа построил загадочный дом в священном для дриада месте, а затем вскочить и убежать, ничего не объяснив.

Но, естественно, Мэг именно так и поступила.

– Увидимся утром! – крикнула она, обращаясь непонятно к кому. И побежала к спиральному выступу, все так же босиком, хотя ей пришлось пробираться сквозь толпу из двадцати разных кактусов. И нырнула в темноту.

Гроувер окинул взглядом оставшихся:

– Хм, ну что ж, хорошее получилось собрание, всем спасибо. – И тут же провалился в сон и захрапел, еще не коснувшись земли.

Алоэ Вера встревоженно посмотрела на меня:

– Может, мне стоит пойти к Мэг? Наверное, ей потребуется еще алоэ.

– Я к ней схожу, – пообещал я.

Духи природы принялись убирать оставшийся после ужина мусор (дриады очень добро-совестно относятся к таким вещам), а я отправился на поиски Мэг Маккаффри.

Она сидела на краю дальнего цилиндра, в пяти футах над землей, и неотрывно смотрела в уходящую вниз шахту. Уловив аромат земляники, просачивающийся сквозь трещины в камне, я понял, что именно через этот колодец мы выбрались из Лабиринта.

– Я за тебя волнуюсь, – сказал я. – Может, спустишься?

– Нет, – ответила она.

– Ну еще бы, – пробормотал я.

И я полез наверх, хотя лазание по стенам не было одним из моих талантов. (Да кого я обманываю! В нынешнем состоянии у меня вообще не было никаких талантов.)

Я уселся рядом с Мэг на краю, свесив ноги в бездну, из которой мы сбежали... Неужели это и вправду было сегодня утром? В темноте я не мог разглядеть сеть из переплетенных стеблей земляники, но сильный запах ягод посреди пустыни казался чем-то очень странным. Удивительно, как нечто столь обычное в новых обстоятельствах может стать необыкновенным. Ну, или как в моем случае: потрясающий бог вполне может стать весьма заурядным.

В ночном мраке цветной наряд Мэг потускнел, и теперь она выглядела как светофор, горящий серым цветом. Из носа у нее текло, и поэтому он поблескивал в темноте. За тусклыми линзами очков виднелись слезы. Она покрутила на пальце одно золотое кольцо, затем другое, словно пыталась поймать волну на старом радиоприемнике.

Денек у нас выдался тяжелый. Мне нравилось молча сидеть рядом с Мэг, я вообще сомневался, выдержу ли новую жуткую трактовку пророчества из Индианы. Но эти подробности были необходимы. Прежде чем уснуть, я должен был удостовериться, что мне ничего не угрожает: особенно не хотелось бы, проснувшись, обнаружить у себя перед носом морду говорящего коня.

Нервы Мэг были напряжены до предела. Я хотел было схватить свою юную повелительницу и заорать «ДАВАЙ РАССКАЗЫВАЙ!», но решил, что это может ее обидеть.

– Хочешь поговорить? – ласково спросил я.

– Нет.

Ничего удивительного. Даже в лучшие дни Мэг не особенно жаловала разговоры по душам.

– Если Аэйталес – это действительно место из пророчества, – сказал я, – если здесь твои корни, нам стоит об этом знать... чтобы остаться в живых.

Мэг посмотрела на меня. Она не приказала мне прыгнуть в земляничную яму, не приказала даже закрыть рот. Вместо этого она сказала «Смотри» и схватила меня за запястье.

Я привык к видениям – каждый раз, когда смертные нейроны перенапрягались, стараясь обработать весь мой божественный опыт, я погружался в воспоминания о давно минувшем. На этот раз всё было по-другому. Я оказался не в своем прошлом, а в воспоминаниях Мэг Маккаффри, и видел происходящее ее глазами.

Я очутился в одной из теплиц в те дни, когда растения еще не разрослись так буйно. На металлических полках ровными рядами стояли глиняные горшки с крохотными кактусами, оснащенные цифровым термометром и влагомером. Под потолком размещались шланги для орошения и фитолампы. Было тепло, но не слишком, в воздухе стоял запах свежескопанной земли.

Под ногами хрустел влажный гравий, я следовал за отцом – отцом Мэг, – проверяющим, все ли в порядке с растениями.

Я смотрел на него глазами маленькой девочки, снизу вверх, и видел, как он мне улыбается. Мне – Аполлону – он был уже знаком по другим видениям: это был мужчина средних лет, с темными вьющимися волосами и широким носом, усыпанным веснушками. В прошлый раз я наблюдал за тем, как в Нью-Йорке он вручил Мэг розу – подарок от ее матери, Деметры. Я видел, как он, мертвый, лежал на ступенях библиотеки, его грудь была то ли изрезана ножом, то ли изодрана зубами какого-то животного – в тот день Нерон стал отчимом Мэг.

В сегодняшнем видении мистер Маккаффри, идущий по теплице, выглядел немного моложе, чем в прошлый раз. Прислушавшись к чувствам Мэг, я понял, что ей в то время было около пяти лет – именно в этом возрасте они с отцом оказались в Нью-Йорке. Но на этот раз мистер Маккаффри казался куда счастливее и беззаботнее. Глядя на него глазами Мэг, я чувствовал, как ее переполняют радость и умиротворение. Папочка был рядом. Жизнь была прекрасна.

Зеленые глаза мистера Маккаффри сверкнули. Он взял горшок с малышом-кактусом и опустил на колени рядом с Мэг.

– Я назвал его Геркулес, – сказал он, – потому что ему по силам что угодно! – Он согнул руку, напрягая мышцы, и зарычал: – РРРРР! – что очень рассмешило малютку Мэг.

– Ирклис! – повторила она. – Покажи еще растения!

Мистер Маккаффри вернул Геркулеса на полку, а затем поднял палец словно фокусник.

– Погляди-ка! – Он сунул руку в карман джинсовой рубашки и протянул Мэг сжатый кулак. – Попробуй разожми.

Мэг попыталась разогнуть его пальцы:

– Не могу!

– Можешь. Ты очень сильная. Ну-ка постарайся!

– Рррр! – зарычала девочка.

На этот раз ей удалось разжать его руку. На ладони у отца лежало семь шестиугольных семян, каждое размером с монетку. Внутри каждого семечка мерцал огонек, отчего они походили на флотилию крохотных НЛО.

– Ух ты! – восхитилась Мэг. – Можно я их съем?

Отец засмеялся:

– Нет, доченька. Это особенные семечки. Наша семья пыталась создать такие семена, – он тихонько присвистнул, – с очень давних пор. А когда мы их посадим...

– Что будет? – Мэг слушала отца затаив дыхание.

– Они превратятся в нечто очень необычное, – ответил папа. – Станут даже сильнее, чем Геркулес!

– Давай посадим их прямо сейчас!

Отец взьерошил ей волосы:

– Еще рано, Мэг. Они не готовы. Но когда придет время, мне понадобится твоя помощь. Посадим их вместе. Обещаешь помочь?

– Обещаю, – ответила она с искренней серьезностью пятилетнего ребенка.

Видение изменилось. Мэг, шлепая босыми ногами по полу, зашла в прекрасную гостиную в Аэйталесе, ее отец стоял у изогнутой стеклянной стены и рассматривал ночные огни Палм-Спрингс. Он говорил по телефону, повернувшись спиной к Мэг. В это время ей полагалось спать, но ее что-то разбудило: то ли приснился кошмар, то ли она почувствовала, что папочка расстроен.

– Нет, я не понимаю, – говорил он в телефонную трубку. – Вы не имеете права. Это место... Да, но мои исследования нельзя... Это невозможно!

Мэг тихонько подошла поближе. Ей нравилось в гостиной. Не только потому, что отсюда открывался чудесный вид, но и потому, что было приятно ходить босиком по гладкому паркету – ровному, прохладному и блестящему. Было похоже, будто вместо пола в гостиной настоящий лед, по которому можно плавно скользить. Ей нравились растения, которые росли у папочки на полках, и те, которые помещались в огромных горшках, расставленных по всей комнате: кактусы с разноцветными цветами, деревья Джошуа – настоящие живые колонны, поддерживающие крышу, вросшие в потолок и распластавшие по нему паутину мохнатых веток и зеленых метелок. Мэг была еще слишком мала и не понимала, что обычно деревья Джошуа так не растут. То, что растения переплетаются друг с другом и поддерживают дом, было для нее обычным делом.

А еще Мэг нравился большой круглый колодец посреди комнаты – папочка называл его Цистерной, – он был обнесен решеткой, чтобы никто туда случайно не упал. Благодаря колодцу в доме было прохладно, каждый чувствовал себя здесь в покое и безопасности. Мэг обожала сбегать по спиральному пандусу вниз и сидеть на краю прудика, болтая ногами в холодной воде. Правда, папочка ее все время предупреждал: «Долго в воде не сиди! А то превратишься в растение!»

Но больше всего она любила большой стол, за которым папочка работал, – ствол мескитового дерева, которое росло прямо из пола, изогнулось и снова вросло в пол. Его дуга, напоминающая кольцо морской змеи, поднявшееся над волнами, была идеальных размеров, чтобы служить настоящим столом. Сверху ствол был гладким и ровным – лучше столешницы и не придумаешь. Три дупла расположились так удобно, что из них вышли отличные полки для мелочей. Прямо из стола росли веточки с листьями, образуя замечательную подставку для компьютерного монитора. Как-то раз Мэг спросила, не было ли дереву больно, когда папочка делал из него стол, но он рассмеялся в ответ:

– Нет, доченька, я бы никогда не обидел дерево. Оно само захотело стать моим столом и поэтому приняло такую форму.

Это тоже не показалось пятилетней Мэг странным: обращаться к дереву как к человеку было для нее в порядке вещей.

Но сегодня Мэг стало неуютно в гостиной. Ей не нравилось, что папочкин голос дрожал. Подойдя к столу, она обнаружила, что вместо привычных пакетиков с семенами, рисунков и цветов на нем лежит стопка бумаг – напечатанные на принтере письма, толстые пачки скрепленных документов, конверты, – и все они были желтого, как одуванчик, цвета.

Читать Мэг не умела, но письма ей не понравились. Было в них что-то важное, властное и злое. Желтый цвет резал глаз. Совсем не такой славный цвет, как у настоящих одуванчиков.

– Вы не понимаете, – говорил папочка в трубку. – Это работа всей моей жизни, но дело даже не в этом. Мы шли к этому веками. Тысячелетиями... Мне без разницы, кажется вам это безумием или нет. Вы не можете просто...

Он обернулся и замер, увидев Мэг у стола. Лицо его исказилось: сначала на нем отразилась злость, затем страх и беспокойство, но в конце концов он вымученно улыбнулся и сунул телефон в карман.

– Привет, солнышко, – проговорил он срывающимся голосом. – Тебе не спится? Мне тоже.

Он подошел к столу, сгреб с него одуванчиковые бумаги и, засунув их в дупло, протянул Мэг руку:

– Сходим в теплицы?

Видение снова изменилось.

Это было смутное, обрывочное воспоминание: Мэг была одета в свой любимый наряд – зеленое платье и желтые легинсы. Эта одежда ей очень нравилась: ведь папочка говорил, что в таком виде она похожа на их друзей из теплицы – такая же подрастающая симпатяшка. Спотыкаясь в темноте, она бежала за папочкой к машине, в рюкзаке у нее лежало только любимое одеяло, потому что папочка велел ей собираться скорее. Им пришлось взять только то, что можно унести с собой.

Пройдя половину пути, Мэг остановилась, заметив, что в теплицах горит свет.

– Мэг, – сказал папа голосом, хрипящим, как гравий у них под ногами. – Пойдем, доченька.

– Но как же Ирклис? – спросила она. – И остальные?

– Мы не сможем взять их с собой, – ответил папочка, стараясь сдержать слезы.

Мэг раньше не видела, как отец плачет. Ей показалось, что земля уходит у нее из-под ног.

– А волшебные семена? – не унималась она. – Мы посадим их там... куда едем?

Сама мысль о том, чтобы уехать куда-то, казалась ей дикой. Аэйталес был ее домом, другого она не знала.

– Нет, Мэг, – казалось, папочка едва может говорить. – Они могут вырасти только здесь. А теперь...

Он оглянулся и посмотрел на дом, который поддерживали массивные каменные колонны. В окнах горел золотой свет. Но что-то было не так. По холму скользили тени: люди в темной одежде или существа, похожие на людей, окружали дом. Над головой тоже мелькали, закрывая крыльями звезды, мрачные тени.

Папочка схватил ее за руку:

– Нет времени, доченька. Нам нужно бежать. И поскорее.

Последнее воспоминание Мэг об Аэйталесе было таким: она сидела на заднем сиденье в машине отца, прижав лицо и ладони к стеклу, и не отрываясь смотрела на освещенные окна. Не успели они спуститься с холма, как их дом взорвался и исчез в огне.

Я схватил ртом воздух и резко вернулся в реальность. Мэг отпустила мою руку.

Я изумленно смотрел на нее, но перед глазами еще все плыло, и я испугался, как бы не свалиться в земляничную пропасть.

– Мэг, как тебе...

Не отрывая глаз от мозоли на руке, Мэг ответила:

– Не знаю. Просто захотелось.

Как обычно – в этом вся Мэг. Но воспоминания, в которые она меня погрузила, были такими мучительными и яркими, что у меня заныло в груди, словно я получил разряд от дефибриллятора.

Как Мэг удалось показать мне свое прошлое? Да, сатиры могут устанавливать эмпатическую связь со своими близкими друзьями. Такая связь была у Гроувера Ундервуда с Перси Джексонем, и поэтому, как утверждал сатир, ему порой непонятно, с чего до смерти хотелось блинчиков с черникой. Может, у Мэг появилась подобная способность из-за того, что она была моей повелительницей?

Этого я не знал.

Зато я знал, что Мэг страдала гораздо больше, чем показывала. Ужасы в ее жизни начались еще до смерти отца. Они начались здесь. Эти руины – все, что осталось от ее мирной жизни.

Мне захотелось ее обнять. И уж поверьте, такое желание возникало у меня не часто. За подобный порыв можно было получить локтем по ребрам или эфесом меча по носу.

– Ты... – я на мгновение замолчал. – Ты с самого начала помнила обо всем этом? Тебе известно, над чем здесь работал твой отец?

Она равнодушно пожала плечами, а затем взяла пригоршню песка и принялась сыпать его в колодец словно семена.

– Филлип, – сказала Мэг, будто только сейчас вспомнила это имя. – Моего папу звали Филлип Маккаффри.

Это имя напомнило мне о македонском царе, отце Александра. Он был искусным воином, но при этом ужасным занудой. Не интересовался ни музыкой, ни поэзией, ни даже стрельбой из лука. У него на уме были одни фаланги. Скукотища.

– Филлип Маккаффри был замечательным отцом, – проговорил я, стараясь скрыть звучащую в голосе горечь. Моего отца трудно было назвать замечательным.

– От него пахло мульчей, – вспомнила Мэг. – По-хорошему.

Понятия не имею, чем отличается хороший запах мульчи от плохого, но я вежливо кивнул.

Я посмотрел на теплицы – они едва виднелись на фоне красно-черного ночного неба. Филлип Маккаффри, похоже, был талантливым человеком. Возможно, ботаником? Смертный, которого благословила богиня Деметра. Как бы иначе он сумел создать Аэйталес – место, пропитанное природной силой? Что же он делал и что имел в виду, когда сказал, что его семья работает над этим уже тысячи лет? Люди редко измеряют время тысячелетиями. Для них знать имена прабабки и прадеда уже большая удача.

Но самое главное: что случилось с Аэйталесом? И почему? Кто выгнал Маккаффри из дома и заставил их бежать на восток, в Нью-Йорк? К сожалению, ответ у меня был только на последний вопрос.

– Это сделал Калигула, – сказал я, указав на руины на холме. – Вот что имел в виду Инцитат, когда говорил, что император принял меры.

Мэг с каменным лицом посмотрела на меня:

– Мы это выясним. Завтра. Ты, я, Гроувер. Отыщем этих ребят – Пайпер и Джейсона.

Стрела завибрировала у меня в колчане, хотя я не был уверен, Стрела это или просто я дрожу.

– А если Пайпер и Джейсон не знают ничего полезного?

Мэг отряхнула руки от песка:

– Они ведь из семерки? Друзья Перси Джексона?

– Ну... да.

– Тогда они должны знать. Они помогут. Мы найдем Калигулу. Обшарим Горящий Лабиринт, освободим Сивиллу, прекратим пожары – в общем, разберемся со всем.

Меня поражало, как красноречиво и четко она умеет формулировать наши задачи.

Хотя лично меня не прельщала мысль обшаривать Горящий Лабиринт, даже если мы заручимся поддержкой двоих сильных полубогов. В Древнем Риме тоже были сильные полубоги. И многие из них пытались одолеть Калигулу. Все они погибли.

Я все время вспоминал видение, в котором Сивилла просила прощения за дурные вести. С каких пор оракулы стали извиняться?

«Я бы спасла тебя, если б могла. И ее тоже».

Сивилла настаивала на том, что я должен прийти ей на помощь. Только я мог освободить ее – но при этом я должен попасть в ловушку.

Никогда не любил ловушки. Они напоминают мне о моей давней влюбленности в Бритомартиду. Ох, сколько раз по милости этой богини я оказывался в ямах-ловушках для тигров!

Мэг развернулась:

– Я пойду спать. И тебе советую. – Она спрыгнула на землю и пошла по склону к Цистерне.

Мэг не приказывала мне идти спать, и я еще долго сидел на краю, глядя вниз, в земляничную бездну, и слушая, как хлопают крылья вестников беды.

12

*О Пинто, Пинто!
Почто ты желтый аки рвота?
Спрячься сзади*

О боги-олимпийцы, неужто вам было мало моих страданий?!

Путешествия из Палм-Спрингс в Малибу в компании Мэг и Гроувера было уже достаточно. Нам пришлось ехать в обход бушующих пожаров и стоять в утренних пробках в Лос-Анджелесе – и от этого стало еще хуже. Но неужели обязательно было отправлять нас туда на автомобиле Глисона Хеджа – горчичном «Форде Пинто» 1979 года?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.